

Бахмутов Владимир

ЖИЗНЬ И СУДЬБА СЕМЁНА ДЕЖНЕВА

СУПЕР ИЗДАТЕЛЬСТВО

Владимир Бахмутов

Жизнь и судьба Семёна Дежнева

«СУПЕР Издательство»

2020

Бахмутов В.

Жизнь и судьба Семёна Дежнева / В. Бахмутов — «СУПЕР
Издательство», 2020

ISBN 978-5-9965-0538-8

Автор этой книги, с 2016 года – член Российского Союза Писателей, более сорока лет своей жизни посвятил изучению истории Сибири. За это время написал и опубликовал на эту тему несколько книг: «Худая примета» и «Суриков ключ» (Изд – во «Кларетианум», Красноярск, 2004, 2005); «Служилый человек Пётр Бекетов» (Изд – во «Буква» Статейнова, Красноярск, 2015); «Курбат Иванов» из серии «Енисейские служилые люди» к 400-летию Енисейска (Изд – во «Луна – река», Красноярск, 2018); «Забайкальский Джордж Вашингтон» (Изд – во Читинского дома печати, 2019); «Амурский конкистадор» (Супер – Издательство, Санкт – Петербург, 2020); «Горные инженеры» (Изд – во Ridero, Екатеринбург, 2020). Является лауреатом IV Международного литературного конкурса «О казаках замолвим слово», дипломантом премии «Наследие» 2016, финалистом премии «Наследие» 2017 года. Лауреатом премии имени Сергея Есенина «Русь моя 2018». Публиковался в сибирских СМИ, – журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Земля Иркутская», «Дальний Восток» и «Аргументы времени» (Хабаровск), «Казаки» (Москва), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Слово Забайкалья» (Чита); газетах: «Арсеньевские вести» (Владивосток), «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск), «Забайкальский рабочий» и «Дело Петра Бекетова» (Чита), «Совершенно конкретно» (Братск), «Енисейская правда», «Биробиджанская звезда», «Литературный Красноярск» и др. Экс – председатель Красноярского регионального отделения РСП. Один из учредителей Забайкальского регионального патриотического фонда «Дело Петра Бекетова». Вниманию читателя представляется историческое исследование жизни и трагической судьбы героя сибирской истории, искажённых по идеологическим мотивам в период пресловутой борьбы с космополитизмом. На основе материалов открывшихся архивов и свидетельств современников событий, описываемых в

книге, автор стремится восстановить историческую правду. Насколько это ему удалось – судить читателю.

ISBN 978-5-9965-0538-8

© Бахмутов В., 2020

© СУПЕР Издательство, 2020

Содержание

От автора	6
Первый опыт мистификации	7
Город на Амуре	10
Часть первая	13
Глава первая	13
Глава вторая	15
Глава третья	18
Глава четвёртая	20
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	39
Глава десятая	43
Глава одиннадцатая	47
Глава двенадцатая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Бахмутов Владимир Михайлович

Жизнь и судьба Семёна Дежнева

От автора

Семен Дежнев является, наверное, наиболее прославленным из всех енисейских служилых людей. Во всяком случае, ему, без сомнения, посвящено наибольшее количество публикации отечественных и зарубежных историков и писателей – беллетристов.

Его имя носит мыс на крайней северо – восточной оконечности Азии, расположенные близ него остров, бухта, полуостров и село. На мысе установлен маяк – памятник Дежневу. В 1948 году Советом министров СССР учреждена государственная премия имени С. И. Дежнёва.

В 1943 году в [Новосибирске](#) открылось Командное Речное училище имени С. И. Дежнёва по подготовке специалистов для Западно – Сибирского речного пароходства. В центре [Великого Устюга](#) в 1971 году ему установлен памятник. В том же году был спущен на воду ледокол «Семён Дежнёв». В 1983 году на экраны вышел фильм «Семён Дежнёв». В 2001 году Банком России выпущена памятная монета «Экспедиция Попова – Дежнёва». В сентябре 2005 года прославленному землепроходцу, его жене – якутке Абакаяде Сючю и их сыну Любиму открыт памятник в [Якутске](#). В 2009 году выпущена почтовая марка России с изображением Дежнёва. В Москве есть проезд Дежнёва. В Великом Устюге, Минске, Киеве, Днепропетровске, Казани и Хабаровске существует улицы, названные его именем. Издательствами выпущено несчетное количество книг, книжек и статей, посвященных великому землепроходцу.

По величию славы с Дежневым может сравниться разве что Ерофей Хабаров, о котором тоже немало написано восторженных исторических исследований и беллетристических художественных произведений.

Первый опыт мистификации

Первые восторженные отзывы о Хабарове были высказаны Герхардом Миллером и Иоганом Фишером, – немцами, приглашенными в создававшуюся тогда в России Академию наук. Почин в этом деле положил Миллер на основании отписок Хабарова, скопированных для него в якутской приказной избе.

Будучи участником второй Камчатской экспедиции 1733–1743 гг., Миллер в течение 10 лет знакомился в архивах сибирских городов с историческими материалами, копировал, и вывез в Петербург колоссальный фонд, получивший название «Портфелей Миллера». В нем оказались материалы, об обследовании русскими земель по Амуру и экспедиции Хабарова. Опираясь на них, Миллер написал первую работу о Хабарове – «История о странах при реке Амуре лежащих, когда оные состояли при Российских владениях». Публикация появилась в 1757 г. в 5-м томе «Ежемесячных сочинений к пользе и увеселению служащих», редактором которых был сам Миллер. Эти же материалы о Хабарове по сочинениям Миллера использовал И. Э. Фишер в своей «Сибирской истории», вышедшей в свет в 1774 г. Таким образом, первоисточником описания «подвигов Хабарова» был сам Ерофей Хабаров.

Впрочем, начиная с осени 1652 года о его действиях ни Миллеру, ни Фишеру ничего не было известно. Миллер по этому поводу писал: «заподлинно неизвестно, сколь далеко он ехал, где проводил зиму». Фишер высказался еще более определенно: «После помянутого разлучения (речь идет о побеге из отряда «бунтовщиков» во главе со Степаном Поляковым), о храбрых Хабарова делах у Амура ничего не записано; разве положить, что он в самом деле не учинил ничего более знатного, или известия о том пропали».

Немногие публикации первой половины девятнадцатого столетия лишь повторяли эти рассказы. В 1840-е годы вышеупомянутые документы были опубликованы, – сначала в «Сыне Отечества», а затем в IV томе «Актов Исторических» и в III томе «Дополнений к Актам Историческим». В то время имя Ерофея Хабарова было мало кому известно. И, тем не менее, этого оказалось достаточно для начала всенародного прославления Хабарова.

Сибирский краевед Н. Щукин с сожалением писал в 1840 году в журнале «Сын Отечества»: «... многие ли знают имя Ерофея Хабарова?... имя Хабарова почти изгладилось из памяти потомков».

В 1848 году он опубликовал в журнале «Сын Отечества» статью «Подвиги русских на Амуре в XVII столетии», где писал: «Мы знаем историю Пизарро, историю Кортеса, Веспуччи, но знаем ли мы Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, знаем ли Ануфрия Степанова, знаем ли сотника Дежнева? Покуда будем мы возвышать русский дух иностранными примерами? Зачем не искать великих дел в нашей истории?!». Как видим, автор восторгался «подвигами» испанских конкистадоров, «возвышавших русский дух», при этом не видел особого их отличия от русских землепроходцев. Всему находилось оправдание и одобрение. При этом далеко не всегда эти публикации соответствовали исторической правде, подтверждались сохранившимися документами.

Вот несколько фрагментов из статьи этого автора: «Первый пустился на завоевание Амура Воевода Якутский Поярков в 1643 г., но предприятие его было безуспешно...».

«... В числе отважных искателей приключений, которые сотнями уходили в Сибирь, ... был и уроженец Устюга Великого Ерофей Павлов сын Хабаров ... Мы имеем теперь в руках подлинную проезжую запись нашего Устюжского Кортеса ...».

«...Хабаров завоевательною ногою ступил на берега Амура ..., имя Хабарова почти изгладилось из памяти потомков. Не потому ли, что робкая политика уступила потом все плоды его подвигов хитрому и сильному соседу? Но разве, тем не менее, не должно быть признательно

потомство смелому предку своему, если бы потом недоразумения и неудачи его последователей и разрушили все, что было им начато...?».

«... в 1650 году воротился Хабаров с вестями в Якутск, что до Амура он доходил, тамошнюю землю завладел; князь Лавкай, испуганный, от него бежал, и богатый ясак соболиный свидетельствовал об успехе начатаго дела Он завладел там главным Лавкаевым городом Албазином, укрепил его, и благословясь поплыл в 1651 г. по Амуру покорять берега сей реки до самого устья...».

«... С горстью людей в два года он навел ужас на жителей Амурских. Князья и Ханы приходили и кланялись ему, ... с двумя сотнями Хабаров властвовал Амуром, ... где имя его заставляло трепетать, и где он казался грозным и сильным воеводою...».

«...Хабаров удостоился видеть светлые очи ласковаго Царя; милостиво приняли его Царь и вельможи, но, кажется, не поверили его отважным предложениям... через тридцать лет посол русский торжественно уступил китайцамъ все завоевания Хабарова Нерчинским трактатом 1689 года...».

«...Если Хабаров дожил до старости, ... то он мог видеть разрушение всего, так счастливо им начатаго. Он был пожалован от царя в звание сына боярского, и определен государевым прикащиком на Лену от Усть – Кутска до Якутска».

Как видим, при гротескном героическом изображении «искателя приключений, ... завоевательной ногой ступившего на берега Амура», пафосном возвеличивании «начинаний ... устюжского Кортца» и критической оценке действий «его последователей» и «робкой» правительственной политики, автор осознанно или по незнанию сплошь и рядом искажает исторические факты. Это касается и «воеводы Пояркова», и «сотника Дежнева», и укрепления Хабаровым Албазина, и взятия им «богатого ясака соболиного», не говоря уже о «милостивом» приеме его царем и вельможами и определении «государевым прикащиком на Лену от Усть – Кутска до Якутска».

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что Хабаров был арестован прибывшим на Амур государевым посланником и доставлен в Москву для проведения следствия по его «деятельности» на Амуре. По завершению следствия решением Боярской думы ему было запрещено возвращение на Амур с взысканием с него долга казне в сумме более пяти тысяч рублей. К слову сказать, госудая в это время в Москве не было, – он был в походе.

Все эти «ляпсусы» превращают статью Щукина, претендующую на историческое обозрение, в непрофессиональный и безответственный опус краеведа – любителя.

Надо сказать, что уже в то время мнения о деятельности Хабарова на Амуре в публикациях различных авторов были неоднозначны. В конце 30-х годов XIX столетия вышел в свет капитальный труд сибирского историка П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». По мнению современников после трудов Миллера и Фишера «Историческое обозрение» Словцова, основанное на архивных данных, являлось наиболее крупным и полным сочинением о Сибири. В этом труде автор резко отрицательно характеризует Хабарова и результаты его экспедиции на Амур.

«Этот необыкновенный посадский, – писал П. А. Словцов, необдуманно обещаниями увлекший легкомысленного воеводу, по сие время не усчитан в уронах, в бедствиях, какие он нанес краю, всей Сибири и даже государству. Только что начал восточный край гнеститься в заселении и домоводстве, пришелец уводит с Лены на Амур в два приема до 250 человек и, отняв столько рук, подрывает промышленность вместе с деревенским обзаводством. Отряды казаков, на вспоможение туда посланных, уменьшают силу сибирских острогов, в непрерывной борьбе и не всегда успешно ограждающих свои окрестности; а во что оценить побеги жителей и казаков, разграбивших свои и чужие селения, казенный провиант, порох, свинец? Во что оценить ниспровержение собственности, благочиния и даже святыни образов, серебром обложенных, где не было ничего неприкосновенного, ничего святого?»

Если предположить, по меньшей мере, что 1500 чел. в течение десяти лет ушли на Амур и там изгибли, каких сил и какого поколения лишился край пустынный? Заменит ли ясак Хабарова одну пагубу, какую служба потерпела от голодовки, от бесчинств неподчиненности, от пренебрежения к властям и от подобных самовольств, не так скоро исправляемых в отдаленности? Во что поставить озлобление и отчуждение миролюбивых племен, по Амуру особняком живших и против воли вынужденных прибегнуть к покровительству маньчжуров? Не сами ли мы сделали соседей врагами себе в таком числе, в каком умножили подданных Китая?

Если правительство ласкалось приобретением Амура, то видим ли какой – либо план в безместных шатаниях Хабарова по водам? На зиму укрепляют место, весною бросают его на разорение прибрежных жителей; где же опора, где пребывание власти? Если и Степанов расточал силу и время на подвиги грабительства, то все надобно винить Хабарова, который в пользу свою имел и всеобщий переполох по Амуру и благоприятное время для утверждения главного места в любом из оставленных городков. Не только в 10, но и в 5 лет можно было обезопасить себя и дружбою соседей, и хлебопашеством, и военным ограждением. Но, к несчастью, при всеобщей неурядице господствовал один лишь дух ясака и грабежа».

Любой образованный человек в России, интересовавшийся историей Сибири, знал этот труд. Без сомнения, знал его и генерал – губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. При чем не только знал, но, по всей вероятности, считал Словцова провидцем, в некотором смысле духовным отцом своих начинаний на Амуре. Ведь Петр Андреевич при изложении в своей книге событий, предшествовавших заключению неравноправного Нерчинского русско – китайского договора, писал: «Права на берега Амура были равны у нас и у них (маньчжуров), но не равны силы», а главу о событиях на Амуре завершил пророческими словами: «Если судьбами времен предопределено Албазину когда – либо воскреснуть, то ореол его воспарит из пепла, как феникс, не с луком и стрелою, но с грозным штыком и огнедышащею пушкою...». Ведь именно так и произошло.

Другой авторитетный русский историк XIX столетия – Иван Забелин, изучивший подлинные документы – «отписки» Хабарова, назвал его единственным в своем роде «законченным конкистадором». «Властолюбие, жестокость, стремление к личному обогащению, – писал он, – таков истинный характер Хабарова.

Город на Амуре

Казалось бы, приговор истории вынесен, имя Хабарова предано забвению. Но произошло невероятное, – через четверть века о Хабарове вновь заговорили. Это произошло в период освоения русскими людьми Амура после подписания Айгунского договора и связано с появлением на Амуре селения Хабарова. Историки в один голос заявляют, что это название генерал – губернатор дал селению в честь «замечательного первопроходца Ерофея Павловича Хабарова, присоединившего Приамурье к России». Так ли это? Ведь такая трактовка не подтверждается ни свидетельствами самого Муравьева и его сподвижников, ни историческими документами амурского похода Ерофея Хабарова.

Как же так случилось, что столь громкой славой мы овеели имя человека, её не заслужившего? Более того, – принесшего массу проблем своей стране, в значительной степени заслонившего собой действительных героев первых попыток русского освоения Амура?

Что было известно Муравьеву о Хабарове и его действиях на Амуре? Вероятно, лишь то, о чем писал в своей книге П. А. Словцов, было опубликовано в 1840-е годы в журнале «Сын Отечества», а затем в IV томе «Актов Исторических» и в III томе «Дополнений к Актам Историческим». Муравьеву было известно, что Хабаров, разорив Даурскую землю, зимовал в Ачанском городке, где отбил атаку аборигенов и маньчжурского отряда из Нангуты, после чего вновь вернулся к устью Зеи, где намеревался поставить острог, но вынужден был отказаться от этой затеи из – за раскола в отряде. Вот и все. Правда, как мы знаем теперь, Хабаров после этого устремился в погоню за бунтовщиками. Но он не писал об этом в своих отписках, а изветная челобитная казаков – «бунтовщиков», в которой называется место, где состоялась их встреча, стала достоянием историков лишь в самом конце XIX столетия. Так что Муравьев и его сподвижники понятия не имели, насколько далеко вниз по Амуру прошел Хабаров.

Если Василий Поярков прошел всю Зею, Средний и Нижний Амур до самого устья, если Бекетов пройдя Шилку и Верхний Амур, потом вместе со Степановым зашли в Уссури, прошли по ее притокам, приводя в русское подданство окрестных жителей и оставляя записи в ясачных книгах; спустились с той же целью в самые низовья Амура, то в «активе» Хабарова было лишь знакомство с верхним и средним Амуром, да разорение даурской земли.

На счету Хабарова было всего лишь четыре сорока безлапых соболей с полухвостами, официально учтенных Сибирским приказом в качестве ясака. (Еще 17 сороков, доставленные в Москву Зиновьевым не пошли в зачет Хабарову, – видимо, были засчитаны компенсацией расходов казны на экспедицию «государева посланника»). В то время как ясак, собранный Степановым и Бекетовым к 1656 году, составил 95 сороков соболей и 62 шубы соболях.

Мог ли Муравьев на основании этих данных считать Хабарова «великим землепроходцем, присоединившим к России Приамурье»? Разумеется, – нет. Где находился Ачанский городок, под которым Хабаров дал бой маньчжурам, современники Муравьева тоже почти ничего не знали. На основании исследований Р. Мака, которые он провел в 1855 году, складывалось впечатление, что Хабаров в том походе не дошел даже до устья Уссури. И, тем не менее, через две недели после подписания Айгунского договора, – 31 мая 1858 года, Н. Н. Муравьев, прибыв к Амурскому утесу, где начал размещение 13 сибирский батальон, назвал новое поселение Хабаровкой (исторически более точно – Хабарово; во всяком случае, именно так именовалось это поселение в официальных документах почтового ведомства).

Чем вызвано столь неожиданное решение? Что побудило генерал – губернатора дать такое название новому поселению? Почему такая идея появилась именно в это время и применительно к этому месту, – ведь оно никак не было связано с историей амурской эпопеи Ерофея Хабарова? В его ли честь назван этот населенный пункт?

Казалось бы, самое простое, – обратиться к свидетельству самого Муравьева и находившихся рядом с ним его сподвижников. Однако, вот что удивительно. В опубликованных документах того времени нигде нет прямого указания на мотивы, которыми при этом руководствовался генерал – губернатор. А в тех немногих воспоминаниях, которые оставили сподвижники Муравьева, находившиеся рядом с ним, говорится лишь о том, что он назвал поселение Хабаровкой, но не указывается на какую – либо связь этого события с именем Ерофея Хабарова. Такая трактовка появилась несколько лет спустя, и принадлежала деятелям более позднего времени, не имевшим непосредственного отношения к делам Муравьева на Амуре. К концу XIX столетия такое суждение уже овладело сознанием россиян, но громкую славу Хабаров приобрел уже в советское время.

Старинное русское слово «хабар» уже давно вышло из житейского употребления и большинство нынешних россиян понятия не имеют, какое смысловое значение кроется за этим словом. Между тем во второй половине XIX столетия это слово было в широком употреблении. «Хабар, хабара, – пишет Даль, – старинное русское слово, означавшее удачу, везение, счастье, прибыток, барыш, поживу. К этому добавим, что в словаре русских синонимов рядом со словом «хабар» называют слова: прибыль, добыча, доход, выигрыш. Хабарное дельце – удачное, с выгодой. Таким образом, название нового поселения, – Хабарово, имело всем тогда понятное, не требовавшее пояснений нарицательное значение счастливого (удачного) приобретения, что вполне соответствовало значению для России Айгунского договора. К Ерофею Хабарову и его походу по Амуру это название не имело никакого отношения.

Впрочем, мнение историков о Ерофее Хабарове в последние десятилетия стало меняться. Достоянием читателей стали не публиковавшиеся ранее отзывы русских историков XIX – начала XX столетий о его действиях на Амуре, появились публикации на основе новых обнаруженных в архивах документов, в которых он характеризуется весьма отрицательно.

В. А. Тураев, – ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН в статье «О характере купюр в публикациях русских землепроходцев XVII века» убедительно раскрыл причины такой «метаморфозы».

Он писал: «... В 1951 году в Москве, а годом позже в Ленинграде выходят сборники документов: «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо – востоке Азии» и «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах». ... Именно с них начинается традиция умолчания неудобных для официальной историографии фактов. Многие документы в них содержат пространные купюры, при этом сокращению подверглась преимущественно та часть текстов, где речь шла именно о военных стычках казаков с аборигенами Сибири и Дальнего Востока.

... Под строгую цензуру были взяты работы историков, писателей, журналистов, обращавшихся к истории освоения и заселения дальневосточных земель, к проблемам их культурных, экономических и политических контактов. Борьба с «китайским присутствием» оборачивалась нередко борьбой со здравым смыслом, сопровождалась даже искажениями исторических фактов ..., на многие сюжеты казачьих «отписок» и «скасок» легла печать строгого табу.

... В результате жестокий, кровавый поход хабаровского воинства по Амуру, недобрая память о котором до сих пор хранится в фольклоре амурских народов, превратился в невнятное повествование о борьбе русских с маньчжурами, а сам Е. П. Хабаров, на редкость сложная и противоречивая фигура, вот уже несколько десятилетий рисуется исключительно розовыми красками. Из «отписок» убрано все, что, по мнению публикаторов, могло бы бросить тень на портрет этого человека. Между тем список жестоких «деяний» Хабарова обширен. Упоминания о пытках, которым подвергал он нередко своих пленников, о разбоях и грабежах, которые чинили казаки в завоеванных улусах, встречаются на многих страницах. Стремление не

запятнать белоснежные ризы русского землепроходчества отчетливо прослеживается во многих опубликованных в последние десятилетия документах.

... Историкам еще предстоит скрупулезно разбираться во всех тонкостях и перипетиях этих вопросов, – завершает свою статью В. А. Тураев. – Пока же совершенно очевидно одно: историческая правда требует объективного освещения многих страниц русского «взятия» Сибири и Дальнего Востока, развенчания многих идеологических мифов, сформировавшихся в общественном сознании в последние десятилетия. И первое, что надлежит здесь сделать, – это вернуть историческим документам их первоначальное содержание».

В. А. Тураев далеко не единственный из видных историков, кто разделяет такое мнение. Б. П. Полевой, – доктор исторических наук, исследователь Дальнего Востока, опубликовавший более 300 научных работ, в их числе – многочисленные статьи о ранних экспедициях русских землепроходцев в бассейн Амура, писал в одной из своих последних работ: «... Нам необходимо как можно скорее освободиться от последствий весьма странного культа Хабарова, мешающего нам восстановить историческую правду о его амурских походах». По сути дела эта статья, опубликованная в 1998 году, была завещанием Бориса Петровича. Он умер в 2002 году.

Подобного рода претензий в отношении действий в Сибири Семёна Дежнева никогда не высказывалось. Это и не удивительно, поскольку его служба во многом имела иной характер. Не может не вызвать уважения и даже удивления многолетнее пребывание Дежнева на крайнем севере в условиях суровой природы, бытовой неустроенности, многочисленных стычек с воинственными аборигенами, его мужество, долготерпение, физическая крепость, неиссякаемое стремление сколотить состояние, чтобы безбедно прожить остаток своей жизни. Его отписки при публикациях не только никогда не купировались, но даже наоборот, – из – за краткости и не полной ясности содержащихся в них сведений о его походе на Анадырь дополнялись разного рода комментариями публикаторов.

Тем не менее, многие эпизоды его деятельности, нашедшие отражение в исторической и художественной литературе, носят неубедительный, спорный, выборочный характер, вызывающий вот уже в течение более трех столетий неутихающую дискуссию среди исследователей. Речь идет, прежде всего, о его первенстве в открытии пролива между Азией и Америкой. И дело здесь вовсе не в том, что такая позиция непатриотична, ущемляет достоинство русского человека. Известно, что в июле 1661 года, то есть через двенадцать лет после похода Дежнева, на Анадырь на двух кочах прошел морем якутский казачий десятник Иван Меркурьев сын Рубец. Об этом подробно писал Б. П. Полевой. Эти сведения объективны, подтверждаются архивными документами и не вызывают споров. Таким образом, приоритет в открытии пролива остается за русскими людьми. Но сейчас речь не об этом, речь – об исторической правде похода Дежнева.

Часть первая

Глава первая

Юрий Крижанич о единстве Ледовитого и Восточного океанов

В течение столетия после смерти Дежнева никаких сведений о его походе не появилось ни в русской, ни в зарубежной печати.

Правда, некоторые исследователи, в частности – Лев Демин в своей книге «Семён Дежнев», высказывали суждение, что первым иностранцем, писавшим о Дежневе, был Юрий Крижанич, – [хорватский богослов](#), священник – миссионер, [лингвист](#), [историк](#) и писатель.

Это был широко образованный для своего времени человек. Он окончил Венскую семинарию, изучал богословие и юридические науки в Болонском университете в Италии, владел латинским, греческим, немецким и итальянским языками. В России его называли «сербенином» (сербом), хотя в действительности он был не сербом, а хорватом.

В [1659](#) году он прибыл в [Москву](#), где был обвинён в поддержке [униатов](#) и в 1661 году отправлен в ссылку в [Тобольск](#), где провёл 16 лет. Там Крижанич встречался со многими сибирскими землепроходцами, в 1664 году он встретился с протопопом [Аввакумом](#), следовавшим из ссылки, что позволило ему собрать достоверные сведения о Сибири.

В 1680 году по воспоминаниям пребывания в Сибири Крижанич написал сочинение «История о Сибири, или Сведения о царствах Сибири и береге Ледовитого и Восточного океана»

Откуда, – спрашивает Лев Дёмин в своей книге, тобольский ссыльный мог черпать сведения о северо – востоке Сибири? И отвечает, – конечно же, от участников экспедиций, возвращавшихся с Лены и других дальних рек, получал от них разнообразную информацию о дальних землях и морях, о своих открытиях. Одним из таких людей, с которыми Крижанич мог встречаться, был Семен Иванович Дежнев.

Крижанич, – писал далее Дёмин, уже не приводя никаких доказательств или ссылок на архивные документы – несомненно, знал об открытии Алексея – Дежнева. Он, вероятно, был первым европейцем – иностранцем, кто узнал об этом. Более позднее его сочинение – «История Сибири» («Historia de Sibiria»), написанное около 1680 года, прямо указывает на эту осведомленность.

Можно себе представить, что любознательный Юрий Крижанич встречался, и не раз, с Семеном Ивановичем, жадно расспрашивал его о великих открытиях на северо – востоке. Сочинение Крижанича укрепляют наше предположение, что автор получал информацию из первых рук. Очевидно, встреча Дежнева с ученым состоялась и на обратном пути (имеется в виду при возвращении Дежнева из его первой поездки в столицу в 1664–1665 году).

При всех этих восторженных предположениях знакомство с книгой Крижанича показывает, что теме пролива между Азией и Америкой при общем объёме книги в 56 страниц уделено менее страницы, причём в самом её конце. Разумеется, никакого упоминания о встречах с Семёном Дежневым, как и вообще каких – либо имён там нет.

Говорится лишь, что «было сомнение, соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, который с востока обтекает Сибирь, средние полудённые области, Даурию и Никанию, и наконец царство Китайское; или каким либо простирающимся от Сибири на восток протяжением матерой земли сии моря между собой разделяются, то есть Ледовитое от Восточного или Китайского?»

Но сие сомнение в недавнем времени разрешено казаками Ленской и Нерчинской провинций, которые для собирания податей исходили весь оный край даже до самого океана, и утверждают, что нет никакого протяжения земли к востоку, и что сказанные моря не отделяются одно от другого, но Сибирь, Даурия, Никания и Китай или Хина окружаются с востока одним беспрерывным океаном.

Когда же некоторые спрашивали, могут ли корабли из гавани Архангельской или из устья реки Оби и от города Берёзова плыть беспрестанно около берегов Сибири, Даурии и Никании, и прибыть в Китай, то помянутые казаки ответствовали, что в Ледовитом море никогда лёд совершенно не растаивает, но во всё лето величайшие и весьма многи глыбы льду плавают по морю и между собой встречаются, которые в состоянии (особливо при ветре) разрушить всякой корабль».

Это всё, что содержится в книге Крижанича по интересующей нас теме. Где же здесь упоминание о Семёне Дежневе? Я уж не говорю об описании, встреч с ним, которые, как выразился Лев Дёмин, имели место «не раз».

Что же касается упомянутых Крижаничем казаках, которые утверждают, что моря не отделяются одно от другого, и говорили о льдах в Ледовитом море, которые в состоянии разрушить всякий корабль, то здесь речь скорее всего идёт об амурских казаках и о плавании через пролив к Камчатке Ивана Рубца, которое произошло в 1662 году. В 1667 году он вернулся в Якутск. К этому времени уже по всей Сибири знали о его прохождении через пролив, стало об этом известно и Крижаничу.

В своей книге имён казаков – первопроходцев через пролив он не называет, но его оговорка, о «недавнем времени», когда стало известно о соединении океанов благодаря казакам, явно говорит о том, что речь идёт о плавании Ивана Рубца, о котором он узнал, скорее всего, году в 1663–64, то есть в первый – второй год своего пребывания в Тобольске, в то время, как о плавании Дежнева через пролив впервые появится сообщение лишь в 1737 году.

Что касается самого Дежнева, то он нигде и никогда о своём проходе через пролив не писал, нет таких сведений и в переписке якутских воевод с Сибирским приказом. Правда, однажды в своей отписке 1662 года в Якутск Дежнев напишет: «иноземцы говорят: не по вся де годы лды от берегов относит в море». Это является еще одним поводом усомниться в том, что Дежнев в своем плавании обошел Чукотку через пролив. Если бы это было так, то он не стал бы ссылаться на показания иноземцев, – сослался бы на собственный опыт. Разве не так?

Глава вторая

Мыс Дежнева

Как известно, о морском походе Семёна Дежнева к Анадырю вокруг Чукотки впервые заявил Г. Ф. Миллер, путешествовавший по Сибири, и обнаруживший в 1736 году в Якутской приказной избе отписки Дежнева. Это заявление в значительной мере носило гипотетический характер, поскольку сведения о самом походе в его отписках были чрезвычайно краткими и не вполне ясными. Тем не менее, академик, дополнив эти сведения своими предположениями, сделал их достоянием общественности, – в 1758 году опубликовал большую статью «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных», в которой нашёл отражение и поход Дежнева к Анадырю.

Является очевидным то, что, появившееся в 1758 г. исследование о морских открытиях русских на Ледовитом и Тихом океанах преследовало явную политическую цель исторического обоснования прав России на пролив, отделяющий Азию и Америку, и на близлежащую к нему американскую территорию. Это так и было понято за границей.

По версии Г. Ф. Миллера из семи кочей экспедиции Попова – Дежнева, отправившихся с устья Колымы, четыре потерпели крушение или пропали без вести ещё на пути к проливу, пятый коч разбился о камни близ самого пролива, при этом часть людей была спасена. К южному берегу Чукотки удалось пройти лишь двум судам, – Семёна Дежнева и Федота Попова. В Беринговом море во время шторма они потеряли друг друга, коч Попова был вынесен на Камчатку, а судно Дежнева выбросило на побережье Алюторского залива, откуда он со своими спутниками в течение 10 недель добирался берегом до устья Анадыря.

В своём «Описании морских путешествий» Г. Ф. Миллер сделал попытку выяснить судьбу сподвижника Семёна Дежнева – Федота Алексеева. Именно от Миллера берёт начало гипотеза, так и не получившая документального подтверждения, в соответствии с которой Ф. Алексеев и его люди окончили свои дни на Камчатке. Впоследствии рассуждения Г. Ф. Миллера легли в основу версии о плавании Ф. Алексеева в 1649 году мимо мыса Лопатка (южной оконечности Камчатки) в Пенжинское (Охотское) море. В ходе этого плавания русские землепроходцы якобы впервые увидели Курильские острова. Сибирские материалы Г. Ф. Миллера легли в основу целого ряда сочинений его современников и в течение последовавшего столетия не вызывали каких – либо критических замечаний.

В конце 30-х годов XIX века в свет вышел капитальный труд сибирского историка П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». В нём не избежала резкой критики гипотеза Миллера о походе Семёна Дежнева, как и содержание отписок самого землепроходца. «... Все это у Дежнева подделка поздняя, – сердито и резко писал Словцов, ... по всем вероятностям, стычка происходила или при Чаунской губе ... или при мысе Шелагском, которому также идут сбивчивые черты дежневского описания, и также есть два острова подле Кекурного мыса. От того или другого места сражения Дежнев с товарищами мог в 10 недель добраться до залива Креста, ... через четыре года скитальчества то к взморью Анадырскому, то к губе Пенжиной немудрено было ему в отписках и рассказах бахвалить с дерзостью.... Вся повесть его не отличается от сказок, какими казаки XVII века не уступают старым испанским морякам

Мы не отвергаем возможности пройти водяную черту, не пройденную, однако ж, ни Лаптевым, ни Шалауровым, ни Биллингсом, ни Врангелем, – писал далее Словцов, – но не видим ничего убедительного, чтобы, без самообличения в народном самолюбии, осмелиться считать казака в Америке – Азийском проливе предтечею мореходца, которому морская история завещала неоспоримое бессмертие имени (имеется ввиду Беринг).... Впрочем, если бы обход Чукотского Носа был истинен, честь принадлежала бы не седоку, а хозяину, правившему

судном, – Колмогорцу Алексею, а не Дежневу, которого с казаками надобно считать пассажирами...».

Что касается высказываний Миллера, что «судно Дежнева, долго носившееся по морю, брошено было к полдню и, по догадке Миллера, к Олюторской губе», то Словцов язвительно восклицает: «Можно ли так далеко видеть и так наугад говорить?» А по поводу заявления академика, что «на р. Камчатке, как после узно, жили русские, вероятно, спасшиеся от крушения Дежнева судна», резонно спрашивает: «чем увериться, что они туда зашли не иначе, как по морском обходе Чукотского Носа? Могли также быть занесены русские и с западного берега Ламы к устью Большой реки или Тигиля».

Объективности ради, нельзя не сказать, что в своем заявлении, будто «все это у Дежнева подделка поздняя ... немудрено было ему в отписках и рассказах бахвалить с дерзостью..., и вся повесть его не отличается от сказок, какими казаки XVII века не уступают старым испанским морякам», Словцов явно погорячился, адресовав эти обвинения Дежневу, в то время как они должны были быть адресованы Миллеру. В том то как раз и дело, что в отписках Дежнева нет никаких указаний на то, что он обогнул Чукотский нос и прошел проливом к Чукотке. Все это было лишь предположениями Миллера.

* * *

Публикация Словцова вызвала полемику среди исследователей, продолжавшуюся несколько десятилетий. Её обострение пришлось на последнюю четверть XIX столетия. В 1879 году шведский полярный исследователь [Норднeshёльд](#) впервые проплыл северо – восточным проливом из Атлантического в Тихий океан, обогнув Чукотский мыс. Он предложил назвать его мысом Дежнёва.

Россия не могла остаться в стороне от такого предложения. Именно тогда Н. Н. Оглобину, служившему в «ученом отделении» московского архива министерства юстиции, было поручено собрать и проанализировать все сведения, касающиеся похода Семёна Дежнева, и тем самым документально обосновать его первенство в открытии пролива. Оглобин был авторитетным исследователем, вполне подготовленным для такой работы. В 1884 году он опубликовал «Обозрение историко – географических материалов XVII – начала XVIII вв.», а в 1886 году – «Провинциальные архивы в XVII в.».

В 1890-ом году в «Журнале министерства народного просвещения» был обнародован результат его новой работы – обширная из шести глав статья «Семен Дежнев (Новые данные и пересмотр старых)». Статья охватывала период службы Дежнева с 1638 года, когда он прибыл на Лену с отрядом Петра Бекетова, до завершения второй его поездки в Москву в 1671 году.

Одна из глав этой статьи полностью посвящена критике оценки Словцовым похода Семёна Дежнева. Её содержание свидетельствует о том, что Оглобин был в немалом затруднении, стараясь доказать необоснованность такой оценки. Видимо, именно поэтому критике были подвергнута не столько основная мысль Словцова о том, что Дежнев прошел к устью Анадыря сухим путем, перейдя Чукотский полуостров, сколько форма суждений Словцова, – его резкость, колкости в адрес Миллера, оскорбительное неверие в правдивость сообщений Дежнева. Текст этой главы изобилует явными натяжками и необъективными упреками в адрес Словцова. Некоторые высказанных им положений оставлены вообще без внимания.

Вместе с тем в описании второй поездки Дежнева в Москву Оглобин приводит документальные сведения, характеризующие Дежнева далеко не лучшим образом. Не без основания член – корреспондент АН СССР А. В. Ефимов – сам яркий сторонник Дежнева, как первооткрывателя Берингова пролива, через пол столетия писал об этой работе, что «она не свободна от ошибок, ... что Оглобин не пошел далее весьма примитивной и несовершенной система-

тизации полученных им данных». При этом не рекомендовал исследователям основывать на этой работе свои заключения.

Тем не менее, главный вывод статьи Н. Н. Оглоблина состоял в том, что Семен Дежнев действительно первым прошел вокруг Чукотского полуострова, открыв пролив между Северным Ледовитым и Тихим океанами.

Автора можно было понять, ведь от него ждали именно такого заключения. Приближалась 250-летняя годовщина анадырского похода Семёна Дежнева и географическая общественность России собиралась отметить её с особым торжеством. На заседании, посвященном юбилею, основным докладчиком выступил Ю. М. Шокальский.

Кто он такой, этот Шокальский? – [Русский](#) учёный – географ, океанограф, картограф. После окончания в 1880 году гидрографического отдела Николаевской Морской академии он стал заниматься научной работой в области географии. Сначала заведовал отделением морской метеорологии и предупреждений о штормах в Главной физической обсерватории. Хотя пробыл в ней недолго, но успел написать свои первые научные работы по морской метеорологии. Затем перешёл в морское училище, где преподавал математику, навигацию и физическую географию. В 1912 году Ю. М. Шокловский – генерал – лейтенант.

Пожалуй, никто до него с такой определенностью не сказал: «Одним из наиболее важных географических открытий русских людей, несомненно, является решение вопроса: существует ли между Азией и Америкой непрерывное соединение или их разъединяет пролив. Честь этого открытия, приписываемого капитан – командору русского флота Витусу Берингу, посетившему в 1728 году пролив, носящий его имя, на самом деле по праву принадлежит казаку Семёну Дежневу, 80 лет перед тем сделавшему это открытие».

Ученый совет Географического общества и Главное гидрографическое управление Морского министерства, ссылаясь на исследования Оглоблина, вошли с ходатайством о присвоении имени Дежнева самому восточному мысу Азии, и 18 июня 1898 года был обнародован царский указ, завершавшийся словами: «Мыс Восточный именовать впредь мысом Дежнева».

Глава третья

Фрэнк Голдер

В 1914 году в Москве побывал американский историк, исследователь Тихого океана профессор Стэнфордского университета Фрэнк Голдер, где ознакомился с материалами, собранными в свое время Миллером. Голдер, как и Словцов, отказался признать заслуги С. Дежнева в открытии пролива, отделяющего Чукотку от берегов Америки, охарактеризовав описание пути, содержащееся в отписках Дежнева, как неточное, противоречивое и сомнительное. То есть по существу поддержал позицию Словцова. Самого первопроходца Голдер назвал авантюристом, не заслуживающим доверия. При этом высказал версию о том, что если Дежнев и достиг устья Анадыря, то сухим путем, оставив кочи еще где – то в Ледовитом океане и высадившись на берег значительно западнее Берингова пролива.

Современному отечественному читателю мало что известно о Фрэнке Голдере, разве только то, о чём сказано выше. Между тем это был человек сложной судьбы, весьма авторитетный в вопросах экспертной оценки русской истории

Фрэнк Альфред Голдер родился в 1877 году в Одессе. Как утверждал сам Голдер, ни он, ни его отец никогда не были гражданами Российской империи, – отец был подданным Германии. Когда Фрэнку было восемь лет, семья переехала в Америку, где приняла американское гражданство.

Точно неизвестно, каким был родной язык Голдера, идиш или немецкий, однако, совершенно точно, что ни русский, ни украинский.

Переехав из России в Америку, семья Голдеров испытывала крайнюю нужду, и своим образованием Фрэнк обязан баптистскому проповеднику, который подобрал его на улице и привел в школу.

Голдер никогда никому не рассказывал ни о своих еврейских корнях, ни о своей семье. Похоже, что не было в его жизни и женщин, его личная жизнь, если она когда – либо была, так и осталась неизвестной. Ничего не могли о нём вспомнить и те, кто считался его друзьями и коллегами по работе. Таким образом, все, что смогли узнать о Фрэнке Голдере наши современники, написано им самим в сохранившихся письмах и дневниках.

Известно, что в 1898 году Голдер получили степень бакалавра философии, и с 1900 года работал учителем на Аляске, преподавая английский язык алеутским детям. На Аляске он заинтересовался ее историей, стал собирать материалы на эту тему, со временем у него появилось желание эту историю описать.

Поступив в Гарвардский университет, Голдер познакомился с профессором Арчибалдом Кулиджем, который заинтересовал его русской историей. В Гарварде Голдер начал изучать историю Сибири 17–18 веков, историю русских поселений в Америке и историю дипломатических отношений Америки и России. Результатом исследований была написанная в 1909 году диссертация о русской экспансии в тихоокеанском регионе.

Так началось формирование Голдера, как одного из экспертов по России. Начиная с 1903 года, Голдер безуспешно пытался заинтересовать перспективами русских исследований американские библиотеки и университеты, чтобы получить грант на работу в России. Наконец, в 1914 году ему это удалось. Голдеру поручалось изучить документы, находящиеся в русских архивах, относящиеся к американской истории, и составить о них краткий справочник.

Голдер приехал в Россию с рекомендательным письмом к Александру Сергеевичу Лаппо – Данилевскому, который был ключевой фигурой в развитии русско – американского научного сотрудничества. Он был представителем русских историков на международных симпозиумах (1903, 1908, 1913 г. г.) и на собраниях Международного союза Академий. С помощью Лаппо – Данилевского Голдер попал в русские архивы и познакомился с русскими историками. Вот

тогда – то он и познакомился с материалами, скопированными Миллером в Якутском архиве, его интерпретацией дежневского похода, материалами полемики на эту тему.

В отличие от плавания Дежнева, вызвавшего споры не только в русской, но и в американской историографии, деятельность участников Великой Северной экспедиции не вызвала у исследователей столь разноречивых оценок. Ф. Голдер, обстоятельно описавший деятельность отрядов С. Муравьева и М. Павлова, Д. Овцына и В. Прончищева, С. Челюскина и Х. Лаптева, признал достижения русских научных экспедиций, действовавших в XVIII веке в полярных широтах.

Надо сказать, что Голдера интересовало не только северные экспедиции, он знакомился с русскими чиновниками и представителями разных сословий, что дало ему возможность познать особенности русской культуры.

Голдер пробыл в России с февраля по ноябрь 1914 года, это была его первая поездка и первое знакомство со страной. Неясно, когда и каким образом он выучил русский язык, на каком уровне им владел, однако знание немецкого и французского дали ему возможность общаться с образованными людьми без каких – либо затруднений.

Глава четвёртая

За идеологическим занавесом

Новый всплеск публикаций на дежневскую тему пришелся на конец 40-х годов минувшего столетия. Чтобы в полной мере показать характер компании по прославлению Дежнева, нельзя не остановить внимание читателя на особенностях того времени.

Несмотря на послевоенные трудности в обществе царил атмосфера победной эйфории и национального торжества. Страна выстояла в войне, продемонстрировала всему миру свою силу, преимущества социалистического строя, заставил мир смотреть на неё со страхом и уважением. Победное для СССР завершение второй мировой войны, одним из следствий которого стало существенное приращение его территории (среди прочих территорий был возвращен Южный Сахалин и получены Курильские острова), оказало большое влияние на советскую историографию, которую советское руководство всегда рассматривало как важный участок идеологического фронта.

В условиях начавшейся «холодной войны» идеологическая составляющая истории Арктики стала играть первостепенную роль. Не малое значение в этом имел тот факт, что в 1945 г. американские и канадские специалисты учредили Арктический институт Северной Америки с отделениями в Нью – Йорке и Монреале. С 1947 г. в этом институте началась работа по составлению «Арктической библиографии», предназначенной для Министерства обороны США, ставшей ценным справочником для исследователей.

Нет никаких оснований сомневаться в добросовестности советских историков той поры при проведении исследований, – это подтверждается колоссальным объемом выполненных ими работ. Трудность состояла не в самом исследовании, а в том, как интерпретировать результаты.

В конце 40-х годов развернулась идеологическая компания борьбы с так называемым космополитизмом, направленная против части советской интеллигенции, которая рассматривалась, как носительница скептических и прозападных тенденций. Космополитизм, как отсутствие привязанности к своему народу и отечеству, стал подвергаться резкой критике со стороны сторонников [патриотизма](#). В такой обстановке любое непатриотичное высказывание относительно русской истории Арктики и Дальнего Востока немедленно вызывало обвинение в пособничестве капиталистам.

В одном из своих выступлений директор Института истории и философии АН СССР академик Б. Д. Греков говорил: «Советским историкам, создающим марксистско – ленинскую науку истории, должно быть свойственно критическое отношение не только к современной науке империалистического Запада, но и к дореволюционной русской науке. ... Причиной наших ошибок, сказал он, является сползание многих авторов на позиции буржуазного объективизма».

Тотальная зависимость советской исторической науки от идеологии правящей партии приводила к тому, что даже ее лучшие представители вольно или невольно фальсифицировали историю, насаждали мифы и, в конечном счете, серьезно деформировали сознание людей. Любой историк, пытавшийся найти истину за пределами официальной точки зрения, рисковал, как минимум, остаться без работы. Ведь где бы ни работал советский историк, от него всегда в первую очередь требовалась политическая благонадежность. А политически благонадежными для правящей партии были лишь те историки, для которых самые последние ее решения всегда являлись истиной в последней инстанции.

Люди старшего поколения хорошо помнят лозунг советского времени «Партия сказала – комсомол ответил: есть!». Так вот, брали тогда «под козырек» и говорили: «есть» не только

комсомолы, но и убежденные седины маститые ученые, исполняя указания партии даже тогда, когда сознавали полную их абсурдность. Уж таково было время.

* * *

В 1948 году страна готовилась торжественно отметить 300-летие открытия Дежневым пролива между океанами. Этому событию были посвящены специальные заседания ученых советов института географии, института истории и московского филиала географического общества СССР.

На расширенном заседании ученого совета Института географии с докладом «Великое географическое открытие Семёна Дежнева» выступил член – корр. АН СССР А. В. Ефимов. Содержание доклада сводилось к тому, что отписки и челобитные Дежнева являются историческими источниками неопределимого значения, и что Дежнев не только первым прошел проливом, разделяющим Азию и Америку, но его спутники достигли Камчатки и, возможно, открыли Аляску, еще неизвестную европейцам. 26 октября 1948 года состоялось совместное торжественное заседание Географического общества СССР и Арктического института, на котором с основным докладом выступил президент Общества академик Л. С. Берг. Заседание заслушало доклады В. Ю. Визе, Д. М. Пинхенсона и молодого, но весьма перспективного научного сотрудника М. И. Белова.

Подъем научно – исследовательской и публикаторской работы пришелся на юбилейные и послеюбилейные годы. Принципиальное значение имел выход в свет монографии члена – корреспондента АН СССР А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий» (первое издание 1948 г., второе – 1950 г.).

Выступление Ефимова вызвало волну публикаций, прославляющих Семёна Дежнева с резкой критикой исследователей, не разделявших официальной позиции. Славцов, отрицавший факт великого открытия, был «предан анафеме», – его обвинили в реакционизме, космополитизме, буржуазной ограниченности и объективизме. Академик С. В. Бахрушин, возглавлявший в то время кафедру истории СССР Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), пошел еще дальше. Он заявил, что работа П. А. Словцова – это произведение, написанное в нелепом стиле семинарских работ того времени. Читатель при первом знакомстве с его книгой выносит чувство недоумения и с трудом разбирается в его запутанном, порой наивном, порой претенциозном изложении (т. е. вычурном, манерном, стремящемся произвести впечатление значительности). Указал на недостаточность его исторического образования, отсутствие у него систематических архивных источников.

Нельзя не сказать о том, что в советское время труд П. А. Словцова по истории Сибири ни разу так и не был переиздан, то есть по существу был выведен из исследовательского оборота.

Глава пятая

Две судьбы

Теперь, наверное, самое время рассказать о двух молодых ученых, появившихся в это время на сцене советской исторической науки, – Михаиле Белове и Борисе Полевом. Они, можно сказать, были ровесниками, – один 16-го года рождения, другой – 1918-го, к 1948 году им не было еще и по тридцати.

Борис Полевой родился в 1918 году в Чите в семье интеллигентов – петроградцев, переехавших в [Сибирь](#) во время [Гражданской войны](#). В 1924–1927 гг. он жил с родителями во [Владивостоке](#). Отец Бориса, – известный российский геолог Петр Игнатьевич Полевой, возглавлявший Дальневосточный геологический комитет, был дружен с В. К. Арсеньевым, – автором знаменитой книги о Дерсу Узала. В 1926–1927 гг. В. К. Арсеньев с семьей жил в маленьком деревянном доме, где у него не было достаточно хороших условий для научной работы. Когда Полевые собрались вернуться в Ленинград, Петр Игнатьевич хлопотал перед Владивостокским горисполкомом, чтобы его квартира была передана Арсеньеву. Здесь Арсеньев и прожил свои последние два года.

В 1928 семья П. И. Полевого вернулась в [Ленинград](#). В 1930 году по сфабрикованному обвинению в шпионаже и вредительстве П. И. Полевой был репрессирован, что не могло не оказать влияния на дальнейшую судьбу Бориса. Тем не менее, он поступил на исторический факультет ЛГУ, накануне войны закончил учебу и был зачислен в аспирантуру. Но началась война.

Иная биография была у Михаила Белова. Он родился в деревне Старое Село Осташковского уезда Тверской губернии на берегу озера Селигер, – в самом сердце Центральной России. В 1930-е годы работал на Морском заводе в Кронштадте. В 1941 году окончил исторический факультет Ленинградского университета. Михаил, должно быть неплохо знал Бориса, – ведь они были близки по возрасту, учились на одном факультете и в одно время.

Оба они воевали. Михаил сражался в рядах добровольцев Народного ополчения на Ленинградском фронте, Борис – на Северном Кавказе. Белов после окончания войны вернулся в Ленинградский университет, где в 1947 году окончил аспирантуру и в том же году, защитив диссертацию, получил степень кандидата исторических наук. Это был образцовый патриот – ученый советской школы с рабоче – крестьянскими корнями, не зараженный «вирусом космополитизма».

В 1947 году в тридцатилетнем возрасте он уже был заведующим отделом в Арктическом и Антарктическом научно – исследовательском институте. В 1948 году издательством Главсевморпути была опубликована его первая крупная работа, – книга «Семён Дежнёв».

Борис Полевой после войны недолгое время проживал в Свердловске, где преподавал на историческом факультете [Уральского госуниверситета](#). В 1946 году вернулся в Ленинград, был восстановлен в аспирантуре и стал преподавать в Ленинградском государственном университете. Но в 1949 в ходе развернувшейся кампании по [борьбе с «космополитизмом»](#) был уволен с работы и вынужден был искать её в других регионах страны.

Что послужило причиной его увольнения и длительной задержки с защитой диссертации не вполне ясно, но есть основания считать, что она состояла в его упорном критическом отношении к провозглашенному официальной наукой первенству Семёна Дежнева в открытии Беренгова пролива. Во всяком случае, именно за это его резко критиковал М. И. Белов в третьем издании своей книги о Дежневе, опубликованной в 1973 году.

«Б. П. Полевой, – писал он, стремится к пересмотру точки зрения своих предшественников, в особенности Л. С. Берга, пытаясь сформулировать свой особый подход к документам Дежнева...»

О плавании Дежнева в проливе в статьях Б. П. Полевого нет ни строчки..., в весьма пространственных статьях Б. П. Полевого не нашлось места для критики Дж. Барни, П. А. Словцова, Фр. Голдера, решительно не признававших за Дежневым права на открытие пролива, считавших, что ему не удалось обогнуть на судах Чукотский полуостров, и поэтому он перешел его по суше где – нибудь в районе залива Креста.

... Сухопутный вариант похода Дежнева, хотя прямо о нем не говорится, напрашивается при чтении статей Б. П. Полевого, поскольку он утверждает, что 20 сентября 1648 года Дежнев находился не в Беринговом проливе, ... а «уже у южной оконечности Чукотского полуострова в районе залива Креста»

Рассмотрение статей Б. П. Полевого, – делает заключение М. Белов, убеждает в том, что его неоднократные выступления в печати являются продолжением начатого еще в XVIII веке спора о значении похода Дежнева в географии и мореплавании, причем высказанная им точка зрения скорее сближается с теми, кто не был на стороне Дежнева и не признавал его права на открытие пролива.

Между тем у Бориса Полевого были веские основания придерживаться такой позиции, – рассказы его отца Петра Игнатьевича.

В 1908 году после окончания Петербургского горного института Геологический комитет послал его на Дальний Восток для разведки полезных ископаемых. Во Владивосток семья Полевых прибыла в конце июня 1912 года, а осенью Пётр Игнатьевич с экспедицией отправился на север – в Анадырский залив. В экспедиции приняли участие военный топограф капитан Н. Иудин и студент Горного института В. Игнатьев.

Зимовала экспедиция в одном из сёл долины Анадыря. Ранней весной 1913 года на собачьих упряжках по разным маршрутам начали изучение района. Прошли почти 4300 км маршрутов, впервые осуществили съемку Анадыря (1150 км), проследили крупные притоки реки – Белая, Танюрер, Майн, и р. Великую. Петр Игнатьевич с помощью переводчика расспрашивал местных жителей об истории края. Вот тогда – то он и услышал от них старинные предания о переходе русских людей к Анадырю с побережья Студёного моря.

Вернувшись во Владивосток, Пётр Игнатьевич не один раз рассказывал об этом и в семье, и в кругу своих друзей, среди которых был известный писатель, автор книги «Дерсу Узала» Владимир Клавдиевич Арсеньев.

В 1924 году Пётр Игнатьевич стал директором Дальневосточного отделения Геологического комитета. В 1928 году семья Полевых на пароходе через Аляску прибыла в США, откуда вернулась в [Ленинград](#), совершив, таким образом, кругосветное путешествие.

Маховик репрессий прокатился и по семье Полевых. В 1930 г. П. И. Полевого арестовали по «делу Академии наук» и отправили в Ухтпечлаг, где он был назначен начальником геологических работ и в период 1932–1933 г. вел разведку угольных месторождений в районе Инты. В мае 1937 г., когда заканчивался срок заключения, последовало новое обвинение – в сознательном занижении запасов минерального сырья и П. И. Полевой был вновь арестован. Согласно официальному заключению, он скончался 20 марта 1938 г. в одиночной камере от паралича сердца.

Мог ли Борис Петрович предать память отца, забыть о его рассказах об Анадыре.

* * *

Б. П. Полевому дорого обошлось его упорство, занятая им позиция. Несмотря на плодотворную исследовательскую работу, кандидатскую диссертацию он смог защитить лишь в 1970 году, да и то по теме, никак не связанной с походом Дежнева, – «Сахалин в истории России». М. И. Белов к тому времени уже был профессором и в течение 12 лет – доктором исторических наук.

При всей непримиримости соперников в споре о походе Дежнева, оба они стали всемирно известными учеными, Полевой, – одним из крупнейших исследователей истории Дальнего Востока, Белов – общепризнанным лидером в изучении истории освоения Арктики.

Михаил Иванович Белов всю свою жизнь отдал работе в Институте Арктики и Антарктики. Это был человек безусловно талантливый, деятельный, с удивительной работоспособностью. Он вторым из ученых – историков был удостоен премии имени Дежнева. Опубликовал более 250 научных работ. Казалось бы не так уж и много. Зато, какие это были работы. Среди них четырехтомная энциклопедического содержания монография «История открытия и освоения Северного морского пути» (1956–1969), монографии «Путь через Ледовитый океан» (1963), «Русские арктические экспедиции XVII–XX вв.» (1964), двухтомник «Мангазее» (1969) и «Раскопки «златокипящей» Мангазеи» (1970), «По следам полярных экспедиций» (1977).

Дважды (в 1955 и 1973 году) была переиздана его книга о Семене Дежневе. Одновременно было опубликовано в СМИ множество статей и очерков по тем или иным полярным сюжетам. В конце жизни в соавторстве с известными археологами Олегом Овсянниковым и Вадимом Старковым он написал книги «Мангазейский морской ход» (1980), и «Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.» (1981). Умер Михаил Иванович в 1981 году на 65 году жизни.

Борис Петрович Полевой долгие годы работал ведущим научным сотрудником в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, возглавляя отделение истории географических знаний РГО. За эти годы превратил его в одно из наиболее популярных и посещаемых отделений Географического общества.

Видимо, как говориться на Руси, – «укатали Сивку крутые горки», – в своей докторской диссертации Борис Петрович писал: «Широкой известностью в Сибири XIX века пользовались труды П. А. Словцова и В. К. Андриевича. К сожалению, эти работы являются поверхностными компиляциями с довольно грубыми ошибками. Достаточно вспомнить странную попытку П. А. Словцова взять под сомнение историческое плавание С. Дежнева и бросить тень на ценные труды Г. Ф. Миллера по истории Сибири». Было ли это отступлением от своей позиции, или только лишь дипломатическим приемом, защитившим его от новых нападков, – об этом судить читателю. Докторскую диссертацию Б. П. Полевой защитил лишь в 1985 году, уже после смерти своего оппонента.

Как бы там ни было, научная деятельность Б. П. Полевого была признана и в нашей стране, и за рубежом. Перу ученого принадлежат более 400 научных работ, в том числе 8 монографий более 20 работ, изданных за границей. Его труды переведены и изданы в Польше, Канаде, Англии, Германии, США. Научные заслуги исследователя в 1992 году были отмечены премией им. С. Дежнева, а в 1997 г. он стал еще и лауреатом премии им. С. П. Крашенинникова.

Уже на склоне лет, основываясь на результатах своих многолетних исследований, в одной из своих статей Полевой писал: «... пока тоталитарная система продолжала существовать

в нашей стране, полностью освободиться от ложных стереотипов относительно Хабарова было крайне трудно. И только недавно, наконец, появилась реальная возможность восстановить в полном виде историческую правду о Я. П. Хабарове. Однако и теперь все – таки отдельные ложные стереотипы о действиях Хабарова на Амуре еще продолжают жить в сознании некоторых историков... Поэтому очевидно: нам необходимо как можно скорее освободиться от последствий весьма странного культа Хабарова, мешающего нам восстановить историческую правду об амурских походах Хабарова ...». Можно сказать, что это было завещание Б. П. Полевого историкам. Нужно ли говорить, что эти слова относились не только к культу Хабарова.

Борис Петрович в последних своих книгах и статьях дипломатично не высказывал сомнений в том, что Семен Дежнев первым прошел через пролив, соединяющий Ледовитый

и Тихий океан. Но на склоне лет, уже будучи доктором исторических наук, в заключительной части своей монографии «Новое об открытии Камчатки», изданной в 1997 году, писал:

«До сих пор некоторые дилетанты с немалым апломбом, игнорируя результаты современных серьезных историков, продолжают утверждать, что первым из русских землепроходцев в верховьях реки Камчатки будто бы попал участник плавания С. И. Дежнева 1648 г. торговый человек Федот Алексеев Попов. ... среди историков возникли два лагеря: одни – верили в это предположение, другие – в нем сомневались. В трудные годы пресловутой кампании «борьбы с космополитизмом» вера в легенду о пребывании торгового человека Федота Алексеева Попова в верховьях реки Камчатки достигла своего пика. ...

... большее значение приобрело обнаруженное в якутских документах сообщение о плавании на двух кочах казачьего десятника Ивана Рубца «вверх реки Камчатки» поздней осенью 1662 г. ... плавание началось из Якутска в июле 1661 г. и после зимовки на Яне продолжалось по маршруту: устье Колымы – Анадырская моржовая корга – река Камчатка, – явно в обход Чукотского полуострова».

Отказался ли старый ученый от критической оценки похода Дежнева – судить читателю. Умер Борис Петрович в 2002 году в возрасте 84 лет.

Глава шестая

Загадки якутской землепроходческой эпопеи

Перечитав все, что мне оказалось доступным об этом споре, уяснив обстоятельства, при которых появились эти две противоречивые версии, я спросил себя: так был ли Семен Дежнев тем человеком, который первым прошел через пролив, разделявший Азию и Америку? Или он, подобно Ерофею Хабарову, незаслуженно оваян славой и заслонил собой действительных героев этого открытия?

Для меня стало понятным, почему кто – то из сибирских землепроходцев, оказавшихся в центре внимания историков в эти годы, безмерно возвеличен в литературе, в то время как многие другие, заслуги которых перед страной были не меньше, а часто неизмеримо больше, остались в тени, оказались не востребованными писателями, остались неизвестными русскому читателю.

В 50-е – 80-е годы минувшего столетия, когда были написаны и изданы эти книги, читателю приходилось доверяться авторам. Мало кто мог ознакомиться с первоисточниками, хранящимися в архивах, доступ к которым имели лишь избранные. Теперь иное дело. Интернет позволяет без труда ознакомиться и с первоисточниками, и со многими другими материалами, доступ к которым в те времена требовал не малого труда и затрат времени.

К слову сказать, маршрут Семёна Дежнева к Анадырю не единственная загадка того времени. Еще один вопрос: кем же был якутский воевода Петр Головин? Был ли он корыстолюбцем, мстительным, самолюбивым и своенравным, как о нем пишут, деспотом, окружившим себя похалимами и «потачниками»? Действительно ли принес он лишь неоправданные страдания промышленникам, торговцам и служилым людям, аборигенам якутской земли? Или он был государственным человеком в лучшем смысле этого слова, радевший интересам своей страны, укреплению его могущества, всеми ему доступными мерами, в том числе и крутыми, боровшийся с казнокрадством, нарушением воинской дисциплины, отступлениями от государевых указов? Наводившим порядок в уезде, всеми мерами расширявшим подвластную России территорию, организовавшим более эффективную систему сбора ясака и пошлин, чем обеспечил рост поступления доходов в государеву казну.

Не менее загадочна та взаимная неприязнь между Дежневым и Михаилом Стадухиным, которой уделено в литературе немало внимания. При этом пояснения авторов оставляют ощущение неубедительности, а во многих случаях явно надуманы, как говорится, – «высосаны из пальца».

Наконец, не вполне ясны причины столь массового притока к северным рекам служилых людей, торговцев, промышленников, разного рода беглецов и бродяг. Только ли пушнина и моржовый клык привлекали этих людей? Но ведь известно, что уже к 60-м годам запасы «рыбьего зуба» в устье Анадыря истощались, что же касается пушнины, то и служилые люди и промышленники не один раз заявляли, что в нижнем течении северных рек соболя не было, – тундра. Хороший черный соболь водился лишь в залесенных верховьях этих рек.

Можно понять причины потока русских людей в Даурию, на Амур, где хорошего соболя было не меньше, к тому же там были благодатные теплые, хлебные места. Но туда не было такого потока торговых людей, как на Яну, Индигирку и Колыму. Что же с такой силой влекло людей в эти суровые края через льды и гибельные морские штормы северных морей? В этом тоже кроется какая – то загадка.

За минувшие годы исследователи собрали в архивах множество материалов, касающихся освоения русскими людьми северо – восточной территории азиатского материка. В том числе, кажется, все, что связано с походом Дежнева, – его собственные отписки и челобитные, отписки его спутников, других служилых и промышленных людей, находившихся рядом с ним,

распоряжения и наказные памяти якутских воевод; одним словом все, что прямо или косвенно было связано с этим походом, и что удалось разыскать в архивах.

Я предлагаю вниманию читателя главные из них, – тексты архивных первоисточников с тем, чтобы у него, как и у меня, сложилось собственное представление о походе Семёна Дежнева. При изложении текста я старался как можно чаще цитировать или ссылаться на архивные документы. Но такой текст был бы суховат, кроме того его содержание нередко противоречило бы содержанию книг разных авторов о Семёне Дежневе, изданных в разное время. Поэтому я включил в текст и выдержки из этих книг, каждый раз называя автора такой книги. Цель при этом была одна – представить читателю правду о походах Семёна Дежнева и его судьбе.

Близкие мои знакомые, узнавшие о моём намерении, говорили мне:

– Зачем ворошить это дело, вызывая тем раздражение почитателей Семёна Дежнева, при таких работах всегда найдутся оппоненты – профессиональные и не очень.

Но меня такая позиция не устраивала, я руководствовался принципом, сформулированным ещё древними мыслителями (Платоном): «народ, не знающий своей истории, не имеет будущего».

Впрочем, предупреждая меня о возможных неприятностях, мой знакомый, что называется, «как в воду смотрел». Почти сразу же после публикации на проза ру серии моих очерков о Семёне Дежневе, я вслед за писателем Алексеем Ивановым подвергся разгромной критике русским националистом Егором Холмогоровым. В распространённом сразу в нескольких изданиях очерке «Клевета на Семёна Дежнева» он истерически восклицал, что «графоман Бахмутов, размещающий в интернете свои измышления по истории Сибири, ... дерзнул усомниться в том, что Дежнев прошёл проливом, разделяющим Азию и Америку..., целый трактат посвятил доказательству, что никакого пролива между Азией и Америкой Дежнев не проходил».

Ну, да, как говорить бог с ним, – с этим Холмогоровым. Читатель, если пожелает, может сам познакомиться с тем, что это за человек. Интернет, можно сказать, переполнен сведениями о нем. Как положительными, так и до мерзости грязными и отрицательными. Впрочем, Егор Холмогоров действительно весьма продуктивный публицист. Однако его выступление в защиту Дежнева свидетельствует о весьма поверхностном знакомстве с историей Сибири и говорит лишь о том, что многовековой спор на эту тему продолжается.

Глава седьмая

Знания и догадки

Начнем, как говорится, «плясать от печки», – что знали русские люди в XVII веке о восточном крае азиатского материка?

Вопрос о том, как между собой соотносятся Америка и Азия, возник еще в XVI веке, – сразу после того, как испанские конкистадоры убедились, что открыли не восточный берег Азии, как полагал Колумб, а новый материк, – Америку. Плавание Ф. Магеллана (1519–1521) показало, что между Америкой и Азией находится крупнейший в мире океан.

По мере продвижения испанцев по Тихоокеанскому побережью на север выяснилось, что в Америке существуют животные, похожие или даже одинаковые с азиатскими (медведи, волки и др.). Это породило предположение, что где – то на севере Америка соединяется с Азией. К тому же местные индейцы уверяли, что западный берег Америки на севере поворачивается на запад в сторону Азии. Все это привело к тому, что некоторые картографы стали изображать Америку, соединяющейся на дальнем севере с Азией. Вместе с тем наличие в Ледовитом и Тихом океанах одинаковых китов и некоторых видов рыб дало основание усомниться в таком представлении и предположить, что на севере между Америкой и Азией все – таки существует какой – то пролив. С 60-х гг. XVI в. этот гипотетический пролив стали называть Анианом.

Выдающуюся роль в сообщении европейской науке сведений о России сыграл русский путешественник Григорий Истома (он же Дмитрий Герасимов). Он был помощником Максима Грека и занимался переводом книг священного писания. По поручению государя московского Василия III в качестве посольского дьяка неоднократно принимал участие в посольствах в Швецию, Данию, Пруссию.

Летом [1525 года](#) во время своего пребывания в Риме в качестве посланника к папе Клименту VII Медичи он был консультантом ряда итальянских учёных, в частности [Паоло Джовио – придворного литератора и историка](#), опубликовавшего затем «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII». В этой книге Джовио со слов русского посланника высказывает предположение, что если плыть вокруг Европы, Московии и Тартарии на восток, держась правого берега, то можно добраться на кораблях до границ [Китая](#). Это одно из первых рассуждений о возможном существовании [Северного морского пути](#).

На основании рассказов Герасимова венецианский картограф и гравёр Батиста Агнеше составил одну из первых карт евроазиатского континента, на которой показал маршрут следования Герасимова в Италию, и путь из Европы в Китай через Северный ледовитый океан. На карте показан пролив Аниан.

Знаменитый западноевропейский картограф Герард Меркатор также показывал на своей карте 1538 года Азию и Америку разделенными проливом. Его биограф А. З. Алейнер выдвинул гипотезу, что название пролива могло появиться из какого – то русского источника. Он предположил, что русская надпись «море – акиан», явно восходящая к латинскому «mare oceanus», могла быть прочитана кем – то из иностранцев как «море аниан», поскольку стилизованную русскую букву «к» в этом названии легко принять за «н».

Алейнер считал, что появившийся в середине XVI в. в Англии и Голландии интерес к плаванию Северным морским путем к берегам Китая мог возникнуть лишь на основе какого – то раннего русского географического чертежа, на котором, как и на карте Дмитрия Герасимова, было дано изображение Ледовитого океана севернее России и Сибири.

Карта XVI века. Сплошная линия – маршрут плавания Д. Герасимова вокруг Европы, прерывистая линия – проект плавания в Китай по северным морям

Карта XVI века. Сплошная линия – маршрут плавания Д. Герасимова вокруг Европы, прерывистая линия – проект плавания в Китай по северным морям

Купец из Бристоля Роберт Торн обратился в 1527 году к королю Англии Генриху VIII с письмом, стараясь заинтересовать его поисками северного пути в восточные страны. «С небольшим числом судов можно открыть многое множество новых стран и королевств..., причем для открытия их остается один путь, – северный», – писал он. Англичане предприняли попытку достигнуть Тихого океана через Север. В 1527 году два корабля вышли из Гудзонова залива, намереваясь пройти между Ньюфаундлендом и островом Гренландия, однако одно судно погибло во льдах, второе, встретившись со льдами, вернулось обратно.

Тогда они попытались достигнуть Анианского пролива, проплыв вдоль северного побережья евроазиатского материка. 20 мая 1553 года три корабля вышли из Лондона и взяли курс на северо – восток. Не все проходило гладко, – корабли встретились с плохими погодными условиями и достигли Норвегии только в начале августа 1553 года. Здесь во время шторма корабли потеряли друг друга и дальнейшее их плавание проходило раздельно. Кончилось все тем, что зимой 1554 года русские поморы обнаружили у западного побережья Новой Земли два корабля с замерзшими трупами команд. «Корабли стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, и товаров на них много», – написано в двинской летописи. Только лишь одному кораблю под командованием капитана Ченслера удалось добраться до Белого моря.

В моря, омывающие русский Север, пытались пройти не только корабли Англии, но и других западноевропейских морских держав. Голландский мореплаватель из Амстердама Биллем Баренц, веривший в существование Анианского пролива, также пытался открыть Северный морской путь в Китай. Он принимал участие в двух морских экспедициях, достигших Новой Земли, а в 1594 году проник через Вайгачский пролив в Карское море.

Через два года он отправился в новое плавание в качестве главы экспедиции. Оно окончилось для голландских мореплавателей трагически. Корабль, затертый льдами, зимовал у берегов Новой Земли. Здесь, путешественники провели в страшных лишениях тяжелую арктическую зиму, питаясь мясом убитых ими белых медведей и песцов, и страдая от холода. Но и на следующее лето (1597) льды не рассеялись. Экипаж во главе с Баренцом вынужден был бросить неподвижный корабль, и, достигнув открытой воды, отправиться на двух утлых челноках в направлении материка. Пять участников экспедиции, в том числе и сам Баренц, погибли в пути от истощения.

Дошедшими до нас первыми картами с изображением пролива Аниан явились карта Джакомо Гастальди (1562) и итальянская карта Б. Зальтиери (1566). В конце 70-х годов XVI столетия Анианский пролив можно было видеть на земных чертежах известных космографов Флоренция, Джилберта, Поркакка, Абрагама Ортелиа (1570). Пролива этого никто не видел, но он начал свое призрачное существование, как предполагаемый проход между материками Азии и Америки.

В 1579 г. английский пират Френсис Дрейк, ставший потом адмиралом королевского флота, предпринял грабительскую экспедицию к западным берегам американских владений в Испании. Проплывая вдоль северо – западного берега Северной Америки, он пытался достигнуть Анианского пролива, по которому хотел вернуться в Англию. Дрейк писал: «Берег неизменно отклоняется на северо – запад, как будто идет на соединение с Азиатским материком», и с сожалением добавлял: «Нигде не увидели мы следов пролива». Ему удалось дойти только до 42° северной широты.

Англичане и голландцы еще не раз пытались пройти к проливу северным путем вдоль русского побережья. Им удалось дойти до устья Енисея и проникнуть в Мангазею. При этом иноземные купцы создали острую конкуренцию русским торговым людям, а массовой скупкой мягкой рухляди поставили под угрозу государственные интересы России.

18 сентября 1622 г. грамотой Приказа Казанского дворца тобольским воеводам было приказано сделать заставу на волоке между Мутной и Зеленой рекой, послать туда из Мангазеи служилых людей «проведывати про немецких людей (т. е. иностранцев), беречь накрепко, чтобы отнюдь в Мангазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали». Полное закрытие в 1627 году морского пути к Мангазее можно расценивать как мероприятие, имевшее целью предотвратить проникновение иностранцев в Северную Сибирь.

В начале 40-х годов русские люди вышли к Тихому океану в районе Охотского моря и устья Амура. В 1643 г. почти одновременно с появлением карт голландского мореплавателя Фриса, осуществившего плавание вдоль Сахалина и Курильских островов, до Западной Европы дошли самые ранние, еще туманные сведения о том, что русские, пройдя всю Сибирь, достигли берегов Тихого океана. Вскоре некоторые западноевропейские географы сделали верный вывод о том, что теперь новые и более точные сведения о северо – западном берегу Америки могут быть получены из России.

Такова была, если так можно выразиться, международная историко – географическая обстановка на востоке Азии к середине 40-х годов XVII столетия, когда первые русские служилые, промышленные и торговые люди вышли к Колыме. Могли ли они знать о проливе Аниан? А почему бы и нет? В Москве, Сибирском приказе об этом, как и о упоминавшихся картах, без сомнения, знали. Не вызывает сомнений, что были ознакомлены с этими сведениями и воеводы, направлявшиеся в Енисейск и Якутск. Могло ли быть иначе, ведь для них эти знания были жизненно необходимы. Ко времени, о котором идет речь, русскими людьми в какой – то мере были уже освоены северные реки Омолой, Яна, Индигирка, Алазея.

В Якутске, особенно после выхода казаков к Охотскому морю, наверняка не раз обсуждался вопрос о том, насколько велик еще неосвоенный русскими людьми северо – восточный угол материка, что необходимо сделать для полного его захвата и освоения. А стало быть, пусть

даже и без подробностей, но знали о предполагаемом проливе атаманы и сотники, приказные люди острожков и целовальники, направлявшиеся в якутскую глубинку для контроля над сбором ясака и государевых пошлин. Должно быть, знали об этом и наиболее ушлые и любознательные рядовые служилые люди, торговцы и промышленники.

Глава восьмая

Новое воеводство

В книгах советского времени, посвященных Хабарову, Дежневу и вообще землепроходческому движению в Восточной Сибири 1640-х годов, самым нелюбимым образом представлен образ первого якутского воеводы Петра Головина. Он де и «властолюбивый деспот», и «человек крутой, подозрительный, надменный и корыстолюбивый». Мол, от его жестокости пострадали многие служилые люди, ставшие жертвой его подозрительности. Не избежал воеводского гнева и пыточной избы даже будущий герой амурского похода Ерофей Павлович Хабаров, а Дежнева сия горькая чаша миновала только лишь потому, что он во время воеводства Головина находился преимущественно в походах.

Михаил Белов писал о нем: «мстительный и своенравный Головин с первых дней своего пребывания на Лене удалил от себя действительно полезных людей и окружил подхалимами и взяточниками».

Лев Демин в своей книге «Семен Дежнев» писал, что по повелению воеводы таможенные заставы досматривали караваны, трясли с пристрастием все грузы, чтобы обнаружить обличающие его тайные грамоты. Что он, такой – растакой, удерживал у служилых людей, ухививших в поход, треть хлебного жалованья. Завершает эту нелюбимую характеристику заключением, что поток жалоб на Головина, в конце концов, встревожил московское правительство и заставил его поспешить с его заменой новым воеводой, – Василием Никитичем Пушкиным.

Читаешь, и удивляешься тому, насколько не соответствует это действительности, отраженной в сохранившихся архивных документах. Но прежде чем обратиться к этим документам, зададимся вопросом: кем же он был, этот Петр Головин?

Так вот Петр Петрович Головин был представителем одного из древнейших русских родов, корни которого уходили в дорюриковские времена в крымские земли, и даже, по семейному преданию, – к потомкам византийского императора. Род Головиных был чрезвычайно богат, состоял в родстве с виднейшими русскими боярскими и княжескими фамилиями Патрикеевых, Пронских, Оболенских и даже великокняжеским домом.

Не в меньшей степени, чем богатство, именитости Головиных способствовали свойственные представителям рода деловитость, организаторские и административные способности. В XV-XVI веках Головины почти наследственно занимали должности государственного казначея и пользовались исключительным доверием правящей элиты. Забота о сохранении и приумножении государственной казны была, можно сказать, их фамильным делом.

Лучший способ оценить историческую значимость действий какой – либо личности, это посмотреть, что еще было сделано им самим и его потомками, как это оценили их современники. Так вот стольник Головин, вернувшись из Сибири в столицу, вскоре был пожалован в окольничие (один из высших [придворных чинов](#) в Русском государстве. С середины [XVI века](#) – второй после [боярина](#) [думный чин](#) [Боярской думы](#). Окольничие возглавляли [приказы](#), [полки](#), назначались в дипломатические миссии). Это уже само по себе говорит о полной поддержке правительством действий Головина в Сибири. Вслед за этим он будет на первых ролях решать вопрос о присоединении Украины к России, будет пожалован в бояре, а незадолго до кончины станет наместником Каширы.

Один из сыновей Петра Головина – окольничий Алексей Головин, сорок лет спустя после описываемых событий, станет тобольским воеводой, другой, – Василий Головин во время воеводства в Белгороде станет организатором и участником отражения набегов крымцев, третий – стольник, а потом боярин Михаил Головин начальствовал над Москвой во время стрелецкого бунта. Внук Петра Головина, – Федор Алексеевич подпишет первый русско – китайский договор о размежевании границ, будет пожалован в бояре, станет наместником Сибири, а в 1696

году – вторым послом знаменитого петровского посольства «к европейским дворам». Все это дает основание считать, что Петр Петрович Головин был государственнымником в лучшем смысле этого слова.

* * *

До середины лета 1640 года Головин со своими помощниками находился в Енисейске и появился на Лене лишь в 1641 году. Один из авторов вышеупомянутых книг ехидно замечает: «не торопились воеводы к месту службы, – бражничали». Возможно, конечно, что и бражничали, – кто же не бражничал на Руси. Но если и бражничал, то, как говорится, в свободное от службы время. А забот у Головина хватало, об этом свидетельствует сохранившийся в архивах «Государев наказ якутским воеводам ...».

Наказ или наказная память в нынешнем понимании это нечто вроде командировочного задания. Только не пятистрочная «писулька», какой она выглядит в наши дни, а многостраничный труд, в подготовке которого были, надо полагать, задействованы не одну неделю дьяки и подьячьи Сибирского приказа. Наказ этот оформлялся, как это было принято в те времена, в виде свитка, и длинна его при полном развороте даже и при убористом почерке была, наверное, метра четыре, если не пять. Вручалась она отправлявшимся в путь от имени государя. Трудно сказать, читал ли её государь. Впрочем, с такими вот, – на новое воеводство, вполне возможно, что и знакомился на слух, зачитываемый деятелями Сибирского приказа, добавляя что – то по своему усмотрению и убирая лишнее.

Наказ начинался с подробного изложения сведений о якутской земле, уже имевшихся к тому времени в Сибирском приказе, принесенных побывавшими там енисейскими и мангазейскими служилыми людьми и промышленниками. Какие там реки и притоки, сколько времени занимает плавание от устья до устья, какие там проживают племена, какой водится зверь, масса других практически важных сведений. Содержание этой части наказа свидетельствует о том, что государю было известно, какое на Лене творится «воровство» и беззаконие. В наказе, в частности, говорилось о том, что «ходили из Мангазеи по краю тех земель по великой реке Лене с устья в верх ..., а из Енисейского острогу вниз по Лене ... служилые люди с товары, ..., приманивали тех землиц людей торговать, имали у них жон и детей, животы их и скот грабили, и насиельства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое ...

... в прошлом во 139 (1631) году на великой реке Лене лутчие тайши, которые государю служили, и алданские князцы воровством служилых людей Енисейского острогу атамана Ивашка Галкина с товарищи от великих их обид учинились от государя отгоны, ... по отпискам из Сибири ... собирают ясаку не по многу, а иную мноую мягкою рухлядью, собираючи на Лене реке, служилые люди сами корыстуются, и меж себя у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей для тое своей бездельные корысти бывают бои, друг друга и промышленных людей, которые на той же реке Лене соболи промышленляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумнение, тесноту и смуту, и от государя их прочь отгоняют;

... в прошлом во 143 году писал к государю ... воевода Ондрей Племянников, что енисейские служилые люди ... с атаманом Ивашком Галкиным, сподчесь на Лене реке с мангазейскими служилыми людьми ясачными сборщиками Степаном Корытовым да с Остатком Черкашенином, меж себя учинили бой, четырех человек свою братью служилых людей тобольских и мангазейских и енисейских казаков убили из пищалей до смерти, а иных многих служилых и промышленных людей переранили. Аманатов, под которых емлют государев ясак, друг у друга отнимают и емлют с иноземцов ясак вдвое: один емлют в Мангазее, а другой в Енисейском. И

чинят иноземным тесноту и обиду великую, жен их и детей к себе емлют, и от того в иноземцах в Якутской земле учинилась смута великая».

Новым якутским воеводам предписывалось, прибыв на Лену, всеми мерами навести там порядок, и действовать впредь в соответствии с государевыми указами и грамотами Сибирского приказа.

Далее в наказе подробнейшим образом расписано когда, где, и что именно нужно сделать, следуя к месту службы, – где, у какого воеводы и сколько взять людей, – стрельцов, пеших казаков, детей боярских, духовников, кузнечных мастеров, плотников, грамотеев. Где по пути останавливаться на зимовку. Где, сколько и каких взять продуктовых запасов, судов, снастей, вооружения, боевых припасов, имущества для церквей. Сколько кому платить жалованья: деньгами, хлебом и солью. И многое – многое другое. При этом неоднократно напоминалось, что делать все это нужно без задержки, «наспех», «не замотчав». Шутка ли собрать и переправить через многие тысячи верст такое войско со всеми необходимыми припасами и оснащением. Так что воеводам было не до бражничанья.

Завершающая часть государственного наказа содержала в себе конкретный перечень задач, которые необходимо было выполнить воеводам по прибытию на Лену. Главными из них назывались: наведение порядка на подведомственной территории, исключая хищение ясака служилыми людьми и уклонение торговых и промышленных людей от уплаты государевых пошлин; совершенствование системы сбора ясака с инородцев, а также расширение ясачной территории путем проводывания новых земель и их присоединения к России. Результатом всех этих действий должно было стать увеличение сбора ясака и повышение прибыли государственной казны.

Помимо формулировки этих главных задач в наказе давались рекомендации по методам и способам их решения, и перечислялись иные более мелкие задачи. Напоминалось, чтобы воеводы «иноземцов всяких от русских людей от их обид и от продаж и от насильства оберегали»; следили за тем, чтобы служилые люди «ходячи по ясак утеснения и обид никаких иноземцам не чинили; ... збирали с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточю и не правежем; имали ясак по их мочи и одиножды в год». По всем прочим вопросам, которые не попали в наказ, рекомендовалось принимать решения «смотря по тамошнему делу, по своему высмотру, как будет пригоже и как их Бог вразумит».

* * *

В чем авторы – критики Головина правы, так это в том, что он был крут и даже жесток в своих действиях, направленных на достижение поставленных целей. Эта крутизна и жестокость проявилась уже на подходе к основному месту службы, – в Енисейске.

Среди прочих задач, поставленных перед Головиным государевым наказом, была задача всеми мерами бороться с пьянством, азартными играми и распространением среди служилых людей «богомерзкого зелья», – табака. Указ государя о запрете хранения, продажи, и курения табака появился еще в 1634 году. Наказание за нарушение указа и для продавцов и для покупателей предусматривалось самое суровое – вплоть до смертной казни с конфискацией имущества. Правда смертная казнь была крайней, и потому весьма редкой мерой наказания. Курильщиков и продавцов табака, как правило, наказывали денежным штрафом, кнутом, батогами, в редких случаях – отрезали носы.

Головин, занимаясь зимой 1640 года организацией переправки грузов для нового Якутского воеводства по Кетскому волоку в Енисейск, обнаружил, что богомерзкое зелье докатилось и до Енисейска и, в соответствии с государевым наказом, принял меры по пресечению этого действия.

Не стану описывать детали этой эпопеи, скажу лишь, что в результате проведенного Головиным расследования было выявлено двенадцать человек, занимавшихся потреблением и распространением табака, и установлен путь его проникновения в Енисейский острог. В ходе сыска практически все обвиняемые притерпели физическое воздействие, – побывали на дыбе или были наказаны кнутом. Казна же пополнилась на 32 рубля и 4 алтына – штраф и конфискованная «выручка». Довести до конца это дело Головину не удалось, – наступила весна, нужно было следовать на Лену.

* * *

Насколько деятелен был Петр Головин и насколько широки были его интересы можно судить по одному лишь перечню организованных им экспедиций и событий, происходивших в эти годы на Лене. Еще в пути он поручил одному из своих помощников – письменному голове Еналею Бахтиярову досмотреть соляные «росолные ключи» в прибрежьях реки Илима, выяснить «можно ли на том месте варницы устроить». Сохранилась «Доезжая память» Еналея, из которой видно, что Бахтияров определил размеры, положение и происхождение соляных источников, взял «росолу соляного для опыту», но вопроса о возможности построить варницы не решил, поскольку не сумел найти «соляного мастера». Вряд ли Головин был удовлетворен таким результатом.

Продвижение якутских воевод к Лене совпало с возвращением с Витима экспедиции Максима Перфильева. Головин подробно расспросил его о путях к Шилке (Шилкару). Перфильев, считавший причиной неудачи похода недостаток продовольствия и снаряжения, представил Головину полный отчет о походе, который тот отослал в Сибирский приказ.

Для сбора более точной информации и поиска подхода к Шилкаре П. П. Головин, еще не доходя до Якутска, отправил в тот район несколько разведывательных отрядов. Одному из них, состоявшему из 50 служилых людей, во главе с казачьим пятидесятником Максимом Васильевым и десятником Аксеном Аникеевым поручалось выяснить наличие «сухого» пути на Шилкару со стороны Лены или Байкала, как далеко от Байкала находится эта река, и куда она впадает; насколько далеко расположен улус князца Лавкая, и на каком расстоянии от него находятся места добычи серебряной и медной руды, какой родится в тех местах хлеб.

Итоги этой экспедиции неизвестны. Она или погибла, или документы о результатах этого похода еще не найдены в архивах. Несколько казаков, посланных Головиным на речку Чаю, принесли сведения, которые подтвердили информацию Максима Перфильева о том, что «вверх Витима, за волоком, живет князец Лавкай в рубленых юртах... и хлеб у него родится всякий».

По приказанию Головина была подготовлена новая экспедиция на Шилкару, во главе которой он поставил Еналея Бахтиярова. Перед ним была поставлена задача пройти по Витиму на Шилку, призвать под «высокую государеву руку» князцов Лавкай и Батогу, организовать сбор ясака, поставить острог у того места, где добывается серебро, и приступить к освоению края. Отряд в 55 человек в расчете на два года обеспечили питанием, оружием, в том числе – пушкой и боеприпасами. На исходе лета отряд отправился в путь.

5 сентября 1641 года (напомним читателю, что тогда новый год на Руси начинался с сентября) Петр Головин, находившийся в это время у Ленского волока, послал Курбата Иванова с пятидесятником Василием Витязевым и десятью служилыми людьми вверх по Лене к тунгусским ясачным князцам и к их улусным людям, чтобы взять с них ясак, который они не платили уже два года. Велено было Курбату расспросить местное население про Байкал, про новые земли, про братских людей, и «сделать чертеж с Усть – Куты до Ленских вершин и Байкалу и в них падучим сторонним рекам», а по Лене – реке «пашенным местам и санным покосам смету

составить и роспись против чертежу, где и в котором месте сколько мочно посадить пашенных крестьян».

Вернувшись на Ленский волок, Курбат Иванов передал воеводе государев ясак и подал в съезжей избе чертеж, а к нему роспись реки Лены с её притоками с устья Куты до ленских вершин и Байкала, «за своею рукою сметной список пашенным местам и санным покосам и роспросные речи тунгусского князца Мажоуля про мунгал, Китайское государство и про братцких людей». Этот чертеж, расспросные речи и роспись «за Курбатковою рукою» Головин послал в Москву.

В том же 1641-м году Головин послал Курбата вниз по Лене в Жиганское зимовье к якутским и тунгусским князцам для ясачного сбора и поиска новых неясачных людей. Попутно наказал выполнить «чертеж великой реки Лены с вершины до устья, и в нее падучим рекам с их притоками, по всей Лене реке пашенным местам и всяким угодыям». Лишь после этого воевода двинулся к Ленскому острожку, – месту своего постоянного пребывания.

* * *

На пути к месту службы, – в устье Куты Головин имел возможность осмотреть пашни, заведенные Хабаровым, и его хозяйство. Ехавший с воеводой торговый человек Иван Сверчков купил у Хабарова 600 пудов ржаной муки, а Головин – какое – то количество хлеба взял еще и на казенные якутские нужды.

Г. А. Леонтьева в своей книге о Хабарове пишет о трех тысячах пудов, якобы взятых Головиным у Хабарова в долг. Это вызывает сомнения по той простой причине, что весь урожай с хабаровских 30 десятин при называемом историками урожае в 148 пудов с десятины, мог составить лишь немногим более 4400 пудов. Дать Головину 3000 пудов, да еще и продать 600 пудов муки торговому человеку Хабаров просто не мог, поскольку остался бы тогда и без семенного фонда и без продовольствия своим работникам и промысловикам – покрученникам. Для этих целей он сам вынужден был в 1639 году везти из Енисейска 2000 пудов зерна. Так что, судя по всему, Головин взял у Хабарова на казенные нужды всего лишь порядка 440 пудов хлеба, то есть урожай с государственной десятины. И не в долг, а в соответствии с договоренностью, под которую он получил землю, – каждый десятый сноп – в казну. А вот Сверчкову муку он действительно дал в долг, об этом свидетельствует сохранившаяся кабальная запись.

Немало написано о притеснениях, которые, якобы, терпел Хабаров от воеводы Головина. Это не совсем так. Петр Головин поначалу отнесся к Хабарову весьма благосклонно. Восхитившись его хлебопашеским и солеварным опытом в устье Куты, воевода предложил ему завести государственную пашню на Киренге, используя для посева зерно с десятины, которую ему надлежало сдавать в казну.

Ерофей от заведения государственной пашни отказался, высокомерно заявив, что «ему так пахать не уметь», но предложение о заведении пашни на Киренге принял, заверив, что поднимет её на свои деньги в частном порядке.

Воевода согласился, дал ему «отводную», в которой говорилось о выделении Хабарову «на великой реке Лене, на Усть – Киренге земель под двор, и под гумно, и под огород и под пашню... И под скотинные выпуски отгородить ему на тех землях непахотные места, смотря по своей мочи и скоту». Предложил воевода и «ссуду ... тридцать рублей на лошадь и на сошники, и на серпы, и на косу не в отдачу, ... а также льготу на год». Но Хабаров отказался от такой услуги, заявив, что, как и на Усть – Куте, намерен поднять пашню на свои средства.

Тогда же воевода взял на Хабарова «поручную запись». Она писалась от лица поручителей. В ней, в частности, говорилось: «... никуда ему ис той пашни не сотти и не збегать, и той пашни впусте не покинуть, и того тягла не оставить, и зерною и в карты не играть, и никаким воровством не воровать, и не пить, и не бражничать ...». Во всяком случае, именно так изла-

гает содержание этой поручной записи Г. А. Леонтьева, ссылаясь при этом на изветную челобитную дьяка Петра Стеншина. Правда, сам дьяк в своей челобитной пишет об обязательстве Хабарова несколько по иному: «пашню пахать ... во все годы беспереводно, чтоб год от году пашня пространилась и не запустела, хитрости и поруки никакой не чинить и пашни не покинуть...». В случае самовольного ухода Хабарова с пашни с его поручителей в пользу казны должна была браться пеня или штраф, – «что государь укажет». Хабаров, понятное дело, знал об этой поручной записи, поскольку лишь он сам мог рекомендовать своих поручителей.

Пользуясь доброжелательным отношением воеводы, Ерофей обратился к нему с целой серией челобитных по взысканию долгов со своих должников, – 240 рублей с Тимофея Ущелемца, 200 рублей с торгового человека Дементия Кораблева, и даже 8 рублей с Никиты Агапитова Ярославцева.

Воевода поручил Курбату Иванову, направлявшемуся в низовья Лены для сбора ясака и составления чертежа ленских притоков, разыскать там Ерофеева должника Тимофея Ущелемца и доставить его «за приставом» в острог для взыскания с него долга воеводским судом, что Курбат и сделал. Благодаря Петру Головину все названные долги были Хабарову возвращены.

* * *

Прибыв к Ленскому острожку, Петр Головин принял от приказного человека Парфена Ходырева острог, служилых людей, казенное имущество и ясачные книги, обнаружив при этом массу беспорядков и злоупотреблений, разорявших казну. Не исполнялись государевы указы и грамоты Сибирского приказа, торговые люди и промышленники не платили государеву десятину. Это и неудивительно, – более десяти лет прошло с той поры, как енисейцы открыли путь на Лену. За эти годы в удаленный от власти регион пришло немало торговых людей, охотников – промышленников, «гулящих людей» или попросту говоря бродяг, всякого рода беглецов с Руси с криминальным, как сейчас говорят, прошлым. Здесь сложилась атмосфера полной, ничем не ограниченной свободы действий, подобно той, какая существовала в запорожской сечи.

Прибывающие время от времени из Енисейска для сбора ясака немногочисленные отряды служилых людей не могли изменить ситуацию. Более того, вирус вседозволенности и корысти проник и в эту среду. Каждый наживался, как мог, грабя и одурачивая аборигенов, считая при этом, что так и должно быть.

Ко многим из этих злоупотреблений оказался причастен и сам Парфен Ходырев. Головин вознегодовал и, не медля, его арестовал. В роли обвинителей Ходырева среди прочих людей выступили Михаил Стадухин и таможенный целовальник Юрий Селиверстов. По их настоянию в ходыревском дворе был произведен обыск, найдено более трех тысяч отборных соболей и обнаружены долговые кабалы (расписки) на сумму 4156 рублей. Начался многомесячный сыск по выявлению злоупотреблений служилой верхушкой.

Отношение Головина к Хабарову резко изменилось, когда в связи с дознаниями выплыло скандальное дело, участником которого оказался Ерофей, – совместная с Парфеном Ходыревым торговля мягкой рухлядью в обход государственной таможни с использованием организованного Хабаровым конного извоза. Юрий Селиверстов жаловался на Хабарова, что он сам отказывался платить пошлины в таможню, и не платил пошлину за «обводную рухлядь», приобретенную у служилых и промышленных людей.

Разумеется, ни Ходырев, ни Хабаров сами пушнину мимо таможни не возили, у них для этого были свои люди. При проведении сыска они признались, что Парфен де предупреждал их, чтобы «не ходили с рухлядью мягкой к таможне, не то я вам руки и ноги переломая, а таможенному сидельцу голову оторву».

Ерофея под конвоем доставили в острог, но он принял на себя роль ничего не ведавшего невольного соучастника. В ходе сыска у него было обнаружено 28 кабал (долговых обязательств), полученных от Ходырева. Парфен оказался в тюрьме. Что же касается Хабарова, то воевода, руководствуясь упомянутой выше поручной записью, в которой тот обязывался «никаким воровством не воровать», наказал его штрафом, изъяв в казну не десятую, а пятую часть урожая с его пашни.

Хабаров воспротивился такому решению и, как свидетельствуют исторические хроники, «принародно лаял воеводу». Произошла драка со служилыми людьми, инициатором которой был Ерофей. За дерзость, «невежливые слова» в адрес воеводы и учиненную им драку Головин поступил с ним еще более круто, – отобрал в пользу казны усть – кутскую пашню Хабарова и его соляную варницу, а самого Ерофея отдал «за пристав», то есть посадил под домашний арест до окончания дознаний по заварившемуся делу. На конфискованную у Хабарова пашню Головин отправил пятерых служилых людей из якутского гарнизона, снабдив их лошадьми, сошниками, серпами, косами и хомутами.

Глава девятая

Михаил Стадухин и Семён Дежнев

В отечественной литературе, посвященной походу Дежнева на Анадырь (а таких книг и статей десятки, если не сотни), немало места и внимания уделяется его взаимоотношениям с Михаилом Стадухиным. Их часто называют соперниками. При этом образ Семёна Дежнева везде рисуется исключительно белыми красками, а образ Михаила Стадухина с весьма непривлекательными чертами характера, особо подчеркивая при этом его «непролетарское происхождение». Хотя и с оговоркой, что он тоже был смелым землепроходцем. Однако это не помешало профессору Белову, – автору книги «Подвиг Семёна Дежнева», заявить, что «Михаил Стадухин не внес почти никакого вклада в разрешение проблемы раздельного существования двух континентов».

О Стадухине писали, что он был родом из купеческой семьи Гусельниковых, что на Лену он прибыл целым семейным кланом, – с братьями Тарасом и Герасимом и сыном Яковом, которые де были торговцами. Более того, иные авторы даже утверждали, что он, будучи служилым человеком, и сам являлся купцом. В подтверждение этого ссылались на обнаруженную в архивах ленской таможни запись за 1643 год, из которой следует, что Михаил Стадухин совершил торговую сделку на 296 рублей 4 алтына. Из этого автор делает заключение, эта сделка была, видимо, далеко не единственной.

Писали, что нелегкий характер Стадухина во многом объяснялся его чувством социального превосходства над другими. Отсюда де и его непомерная заносчивость и высокомерие. Что он принадлежал к казачьей верхушке и пользовался особым расположением воеводы Петра Головина. Он якобы выезжал встречать его по прибытии на Ленский волок, там оказал Головину какие – то услуги (какие именно – не уточняется), а в дальнейшем выступал с наветами против его недругов. Это угодничество Стадухина, писал Лев Демин, воевода оценил, почему Михайло, как и Василий Поярков, оказались в числе тех людей, которые составляли опору Головина и встречали с его стороны благоволение.

Явная тенденциозность такой характеристики невольно заставляет обратиться к первоисточникам. Кто же он такой, этот Стадухин?

Михаил Васильевич Стадухин (год рождения ориентировочно 1600-й), был уроженцем архангельского Севера, выходцем из Пинеги. Казачий историк – энциклопедист Федор Щербина на основании архивных материалов пришел к выводу, что родным отцом Михаила Стадухина был запорожский казак Василий Стодух. Будучи есаулом одной из – за порожских сотен в польском войске периода Русской Смуты (1601–1613), казак Стодух попал в московитский плен и в числе других пленных запорожцев был сослан на поселение в Пинегу.

Такие случаи не были редкими. Так, например, известный в сибирской истории Никифор Черниговский, которого называют первостроителем Албазинского острога на Амуре, тоже был родом с Украины, сыном служилого человека. В начале 30-х годов он служил казацкую службу польскому королю. В 1633 году во время войны с Польшей был захвачен русскими в плен и сослан в тюрьму на Вологду.

После окончания войны по условиям мирного договора пленных должны были отпустить на родину. Однако Никифор этого не пожелал, просил оставить его «служить государю с черкасы» (т. е. с украинскими казаками), принял русское подданство, по грамоте Приказа Казанского дворца был «сослан на житье в Енисейский острог», где был поверстан в казацкую службу. Нечто подобное, видимо, случилось и с Василием Стодухом.

«Буйная, неукротимая кровь запорожского сотника, – писал о нем Федор Щербина, – вновь разыгралась в его сыне Михайле, родившемся в краю беломорских льдов. Он не вернулся на родину отца – в Запорожскую Сечь, его судьбой стала далекая азиатская Сибирь».

Такая версия о происхождении Михаила Стадухина, – пишет Николай Лысенко – доктор исторических наук, автор очерка «История атамана Стадухина», представляется достаточно убедительной. В великорусской этнической среде с ее исконным «аканьем» родовая фамилия Стодуч вполне могла превратиться в Стадуч, а затем приобрести русское окончание «ин». Так из – за порожского «прізвища» Стодуч, получилась «поморская» фамилия Стадухин.

В пользу версии о казацком происхождении первопроходца свидетельствует также имя его родного брата- Тарас, очень распространенное в среде запорожских и нижнедонских казаков и практически неизвестное в великорусской среде XVII века.

Таким образом говорить, что Михаил был родом из семьи Гусельниковых не совсем верно, хотя он действительно был племянником Василия Гусельникова. Правильнее было бы сказать, что из рода Гусельниковых была мать Михаила – родная сестра Василия Федотовича Гусельникова – в будущем известного купца. Это в значительной мере меняет представление о связи Михаила Стадухина с купечеством.

Василий Федотович, известный под прозвищем «Скорая запись», был выходцем из крестьянской семьи деревни Омеляновской Юрьев – Наволоцкой волости на берегу Северной Двины. Семья Федота Минина Гусельникова была большой, – две старшие дочери, имена которых неизвестны, и четверо сыновей, – Остафий, Василий, Афанасий и Гурий. В начале 20-х годов дочери уже были замужем, носили фамилии своих мужей, – Стадухина и Остафьева и обе имели подрастающих сыновей.

В 1628 году разбойники разграбили и сожгли родовое гнездо Гусельниковых. Во время нападения погиб старший из братьев – Остафий. Василий после этого нанялся в приказчики к богатому купцу – односельчанину Афанасию Левашеву «из годового жалованья» сроком на 5 лет и вместе с братьями – Афанасием и Гурием пошел на заработки в Сибирь. К тому времени Михаил Стадухин, которому было уже лет около 27, уже добрый десяток лет служил в Сибири, – сначала в Тобольске, а с 1623 года – в Енисейском остроге.

Торговые дела у Василия Федотовича пошли настолько успешно, что в 1630 году его взяли в гостиную сотню (то есть он официально стал купцом). Чин гостя (именитого купца, каких по всей России было около тридцати человек) он получил лишь в 1648 году, когда Михаил Стадухин уже был в походе, продолжавшемся для него 12 лет. Когда же Михаил вернулся в Якутск, Василия Федотовича Гусельникова уже не было в живых, – он умер в столице в 1654 году во время эпидемии чумы.

Можно ли при этом говорить, что Михаил Стадухин был происхождения из купеческого рода?

Информация о взрослом сыне Михаила Стадухина, – Якове, который якобы приехал на Лену вместе с отцом, сомнительна уже по той простой причине, что Михаилу и самому – то по прибытии в Енисейск было лет 20. Мог ли он в таком возрасте иметь сына, который «занимался торговлей»? Сын у Стадухина действительно был, – Нефёд, с ним мы еще встретимся на страницах этой повести, это будет при рассмотрении событий 1669 года. Все предшествующие годы он нес казацкую службу в Верхотурье.

* * *

При каких обстоятельствах познакомились Михаил Стадухин и Семен Дежнев, и каково было их социальное, как выразился один автор, положение?

Документы свидетельствуют, что Михаил Стадухин числился рядовым стрелцом первой стрелецкой сотни Енисейского острога, набранной в Тобольске в 1623 году. Она стала костяком енисейского гарнизона и сохраняла свое название вплоть до начала 40-х годов. Семени Дежнева в это время в Сибири еще не было. Он появился в Сибири, судя по всему в 1630 году по проводившемуся в тот год большому набору вольных людей на сибирскую службу. Пунктом

формирования отряда был Великий Устюг. В этот город стекались люди, откликнувшиеся на призыв, из Тотмы, Сольвычегодска, Вологды, Холмогор, с Пинеги, Мезени. Среди пожелавших отправиться в Сибирь было немало и устюжан.

После непродолжительной службы в Тобольске Дежнев был направлен в Енисейск. Это случилось не раньше 1633 года, поскольку в списках енисейских служилых людей в 1632–33 году он не числился, но его называют в составе отряда, прибывшего на Лену в 1638 году. Ему в это время было немногим более 30-ти, Михаилу же Стадухину около 40 лет.

Одно лишь сопоставление возрастов и времени службы Михаила Стадухина и Семёна Дежнева делает несостоятельным представление о них, как о соперниках. Первый уже пятнадцать лет служил на передовом крае – в Енисейском остроге, участвовал в схватках с тунгусами князца Тасея и его сына Лукашки, был участником первых походов на Лену и боевых столкновений

с бурятами и якутами. Другой – с вдвое меньшим сроком службы, при этом большую часть в «тыловом» Тобольске. Какое же здесь может быть соперничество? Статусное положение их было далеко не равноценным. В лучшем случае их можно рассматривать, как старшего и младшего среди равных, но скорее, как опытного наставника по отношению к молодому малоопытному казаку.

С 1630 года Михаил Стадухин участвовал в многочисленных сухопутных походах и плаваниях по Енисею, Ангаре и её притокам. Свой первый поход на Лену он предпринял в составе отряда сына боярского Парфена Ходырева, пришедшего из Енисейска на смену Петру Бекетову в 1633 году. Стадухин принимал участие в походе десятника Посника Иванова на Виллюй «для прииску неясачных тунгусов». Там они взяли знатного аманата из «Калтакульского роду» и собрали с него ясак – три сорока соболей.

В начале осени 1633 года на смену Парфену Ходыреву прибыл отряд енисейского атамана Ивана Галкина. Служилых людей с Галкиным было немного, – всего двенадцать человек. Зато в Енисейске к отряду примкнула большая группа промышленников, в их числе – Ерофей Хабаров с четырьмя спутниками.

Что там произошло при встрече Галкина с Ходыревым, достоверных сведений не сохранилось. Пишут, что Галкин «насильством» отстранил Парфена Ходырева от власти, отнял у него всех его людей. Причиной конфликта, очевидно, послужило то, что Парфен Ходырев, лишь три месяца как сменивший Бекетова, построившего Ленский острог, и знавший о размерах ясака, собранного здесь сотником, не желал расставаться с должностью приказного человека у такого «хлебного места». Но Иван Галкин был не из тех людей, что уступают свой интерес и потакают воеводским любимчикам, тем более что у него на руках была воеводская наказная память о назначении его ленским приказным человеком, да и воевода енисейский, – друг Ходырева должен был вот – вот смениться.

Тем не менее, Ходырев какое – то время еще оставался с отрядом Галкина и, как свидетельствуют исторические источники, даже принял участие в стычке енисейцев с конкурентами, – отрядом мангазейских служилых людей под водительством атамана Корытова. Судя по всему, участником этого столкновения был и Михаил Стадухин.

Семен Дежнев оказался на Лене в 1638 году, прибыв туда с отрядом Петра Бекетова, вновь направленного на Лену на смену Галкину. Там Бекетов застал тревожную обстановку. Наслышанные о победе бурят над русским отрядом у Братского острога и бурятских волнениях на Ангаре, несколько местных тойонов от «государевой руки отложились», стали нападать на русских людей и ясачных якутов. Более того, незадолго до прибытия Бекетова якуты «приступом приходили» под Ленский острог. Инициатором «шатости» был князец Нюриктейской волости Кириной, приведенный в русское подданство Бекетовым ещё в 1632 г. и теперь ушедший со своим родом с Лены на Алдан.

Галкин и Бекетов, объединив свои отряды, совершили совместный поход на Кириная. Его «погром» с захватом 500 коров и 300 кобыл носил, конечно, характер неблагоприятной карательной акции, но с точки зрения центральной власти их действия в отношении «изменника» были вполне законными. Есть основания считать, что Михаил Стадухин с Семеном Дежневым были участниками этого похода.

В «покупочной книге» Якутского острога сохранилась запись, относящаяся к 1638 или началу 1639 года, – «Куплено у служилого Семейки Дежнева 4 соболя без хвостов, дано государевы муки 12 безмен (около 12 кг.)...». Это свидетельствует о том, что Дежнев имел собственную пушнину, заготовленную им лично или выменянную у якутов. Известно, что в первый же сезон пребывания на Лене Дежнев заготовил сто соболей, – больше, чем другие его сослуживцы. Правда была ли это личная добыча, – не уточняется.

Судя по сохранившимся документам, Стадухин после этого похода вернулся с атаманом Галкиным в Енисейск и окажется вновь на Лене в 1640 году в составе отряда енисейских казаков, направленных в новое воеводство с первым его воеводой стольником Петром Головиным. Что же касается Семёна Дежнева, то он остался на Лене с отрядом Петра Бекетова, а потом – отрядом вновь сменившего его Парфена Ходырева. В Енисейск он так и не вернулся, задержанный воеводой Головиным, как и другие находившиеся на Лене енисейцы, станет служить в якутском воеводстве.

Глава десятая

Начало освоения северного побережья

Весенним половодьем 1641 года Ленский острог затопило. Головин приказал перенести его на новое более надежное место. Эти работы возглавил письменный голова Василий Поярков. Надо сказать, новый острог возвели быстро и настолько добротнo, что одна из острожных башен сохранилась до наших дней. Новый острог стали называть Якутским.

Еще до прихода на Лену воевод, Парфен Ходырев, бывший в то время приказным человеком Ленского острожка, набрал и отправил для сбора ясака на вновь открытых «заморских реках» Яне и Индигирке два отряда служилых людей. Во главе одного из них на Индигирку ушел Постник Иванов, второй отряд, – на Яну, повел Дмитрий Зырян. С ним ушел к морю и Семен Дежнев. Собрannую у янских якутов соболиную казну, – 340 соболей и две чернобурых лисицы, Зырян весной 1641 года отослал с Дежневым в Якутск в сопровождении трех казаков. Семен оказался на Лене как раз в то время, когда началось следствие над Ходыревым. Среди служилых людей, допрошенных по ходыревскому делу, упоминается и Дежнев. Он, видимо, немало знал о коммерческих проделках Парфена.

К этому времени относится прибытие в Якутск государева указа по делу о столкновении в 1639 году отряда Парфена Ходырева с томскими казаками атамана Копылова. В Москве посчитали, что главным виновником тех событий явился Парфен. Уничтожение в ходе столкновения тридцати ясачных якутов трактовалась, как прямое нанесение ущерба государевой казне. Петру Головину и Матвею Глебову предписывалось провести сыск в отношении провинившегося Парфена Ходырева с применением, если будет в этом необходимость, пытки, чтобы «вперед бы иным служилым людям так неповадно было воровать». Прибывший указ только подлил масла в огонь, – теперь уже не только служебная карьера, но и сама жизнь Парфена Ходырева оказалась на волоске.

Головин, энергично взявшись за дело, прежде всего, принял меры, направленные на усиление контроля над сбором ясака, пушными промыслами и торговыми оборотами с целью предотвращения хищения мягкой рухляди и обеспечения полного сбора десятинной пошлыны. Этим воевода вызвал бурное негодование недобросовестных русских промышленников, служилых и торговых людей. В своем противодействии нововведениям они сумели заручиться поддержкой второго якутского воеводы – стольника Глебова и дьяка Ефима Филатова. Русское общество на Лене, таким образом, раскололось надвое, положив начало воеводскому противостоянию.

Нельзя не видеть, что при всей своей жесткости и нетерпимости к хищению пушныны, Головин старался быть объективным и справедливым при рассмотрении таких дел. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы.

Вернувшийся с Яны Семен Дежнев и его спутники привезли и собственную пушнину, которая была по распоряжению письменного головы Василия Пояркова конфискована в пользу казны. Это заставило Дежнева и его товарищей обратиться на имя царя Михаила Федоровича с челобитной. «В нынешнем, государь, во 149-м (1641) году, – писали челобитчики, – были мы, холопи твои, на твоей государевой службе на Янге реке для твоего, государева, ясачного збору. И как твой, государев, ясак с якутов собрали, после твоего, государева, ясаку купили мы, холопи твои, у твоих же, государевых, ясачных якутов соболишек на свой товар. И в нынешнем во 149-м году как мы, холопи твои, пришли в Ленский острог с твоею, государевою, ясачною казною, у нас, холопей твоих, те наши соболишка письмяной голова Василей Данилов Поярков запечатал.... Пожалуй нас, холопей твоих, вели, государь, те наша соболишка распечатать и нам отдать долги свои платить, чтобы нам, холопам твоим, в своих долгах, на правеже стояв, в конец не погибнуть и твоей бы царские службы впредь не отбыть...». На челобитной сохрани-

лась помета: «По сей выписке Ивашке Иванову, Сеньке Дежневу, Гришке Простокише соболи их, для государевы дальние службы и их нужы, и дорогово подъему, соболи выдать и написать в приговор».

В 1641 году у вернувшихся из похода Ивана Реброва было обнаружено 29 соболей, 40 пластин собольих и соболья шуба, у Ивашки Сергеева – 60 соболей и две шубы собольих. Все это тоже было у них отобрано. Однако после разбирательства с учетом того, что казаки успешно собрали и доставили ясак, не получая при этом жалованья, воевода распорядился, сделав соответствующую помету на их челобитных: «... По сей выписке Ивашку Сергееву да Ивашку Реброву, да Фочке Самсонову для государевы дальные службы и их нужы ... соболи их и шубы соболи отдать, для того, что оне служили государю без его, государева, жалованья».

Особого внимания заслуживает история с «нажитком» енисейского десятника Елисея Юрьева Бузы, ставшего легендой якутской землепроходческой эпопеи, живым примером, на который в течение многих лет будут равняться якутские служилые люди. Кто же он такой, этот Елисей Буза?

Его имя впервые встречается в архивных документах Енисейска, относящихся к 1629–30 году, когда он, – рядовой стрелец Елисей Юрьев в составе отряда атамана Ивана Галкина принял участие в походе на «государева изменника и непослушника князья Соты с его улусными людьми». Поход завершился успешно, хотя в произошедшем бою многие служилые были ранены. В коллективной челобитной стрельцы писали государю: «... до Енисейского острогу дошли с ранеными со всеми людьми и ясырем, дал бог, здорово, никакого человека раненого не покинули. ... Пришед в Енисейской острог, по обету своему тот ясырь и всякую погромную рухлядишка отдали в дом Ведения святей богородицы, к новому храму, твоему государеву ангелу на сооружение».

В именных окладных книгах жалования служилых людей енисейского острога за 1632–33 год Елисей записан, как рядовой стрелец Елисейко Бердь с окладом 5 рублей 16 алтын 4 деньги. Бердь – видимо, и есть его настоящая фамилия. При каких обстоятельствах он получил прозвище Буза – неизвестно, но оно, без сомнения, обязано своим появлением особенностям его характера – незаурядного, смелого и предприимчивого. Некоторые исследователи называют его выходцем из Поморья (В. Булатов «Русский север»).

В 1636 году к тому времени уже казачий десятник, Елисей Юрьев Буза с отрядом из 10 казаков отправился из Енисейска по Ангаре на Нижнюю Лену в свой исторический поход, продолжавшийся четыре года.

Вернувшись в 1642 году из похода, он писал в челобитной: «В прошлом, государь, во 144-м году бил я челом тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, а в Енисейском остроге подал челобитную воеводе Прокофью Федоровичу Соковнину, чтоб меня отпустил на твою, государеву, дальнюю службу для прииску новых земель и твоего, государева, ясачнова збору на Сивирю и на Ламу, и по иным сторонним ленским рекам, которые реки своим устьем в море пали. И по моему, государь, челобитью, воевода Прокофей Соковнин отпустил ... меня, холопа твоего, на тое твою, государеву, дальнюю службу на Сивирю и на Ламу, и по иным сторонним ленским рекам в новые места. А твоего, государева, денежна и хлебнова жалованья, судов, и судовых снастей мне, холопу твоему, не дал. А отпустил меня ... под Ленской волок зимним путем, нартами. Велел мне воевода Прокофей Соковнин взять в Якуцком остроге у казачья головы у Богдана Болкашина твоей, государевы, казны на подарки иноземцом меди и олова, и одеку, да служивых людей – охотников 10 человек. А Богдан Болкашин мне, холопу твоему, ... товару на подарки иноземцом ... не дал, и служивых людей не дал же ни одново человека. И я, государь, холоп твой, в Якуцком остроге прибрал с собою на твою государеву службу охочих служивых людей без твоего, государева, денежна и хлебнова жалованья 7 человек, да промысленных людей человек с 30 и больши. И тех, государь, служивых и промысленных людей подымал я, холоп твой, ... собою. В Якуцком,

государь, остроге, должась великими долги, покупал я, холоп твой, суды и кочи, и дошеники с парусы и с якори, и со всею судовою снастью дорогою ценою. И тех служивых и промышленных людей для твоей, государевы, дальней службы ссужал я же, холоп твой, пищальми и порохом, и хлебными запасы, и сетями неводными, и всякими заводами».

Буза с отрядом спустился по Лене, вышел в море западным рукавом дельты и через день вошел в устье р. Оленск. Поднялся по реке более чем на 500 км и объясачил встреченных там кочевых эвенков.

«Ясачную и десятинную соболиную казну, – писал Елисей, послал я с Оленька реки в Енисейской острог зимним путем на Лену со служивыми людьми Ярофейком Спиридоновым да с Алексеем Архиповым с товарищи».

На р. Оленек Елисей построил зимовье, там зимовал, а весной 1638 г. на оленях возвратился на Нижнюю Лену к устью ее левого притока Молодо, верховья которого близко подходят к р. Оленек. Служивых и промышленных людей Федора Мартемьянова с товарищи оставил на Лене с аманатом, они «с оленских тунгусов взяли ясаку перед прежним с прибылью».

Взяв казну, велел Федору ехать в Енисейской острог, а аманата отдать велел в Якуцком остроге. С остальными служивыми и промышленными людьми с Оленька, вернувшись на Лену, Елисей пошел «в новые сторонние реки морем на Яну и на Чандон, и на Сивирью».

О его дальнейших походах сведения противоречивы. Академик И. Е. Фишер в изданной в 1774 г. «Сибирской истории с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» писал, что Буза, построив на Лене два коча, летом 1638 г. восточным рукавом дельты Лены вышел в море, и пять дней при попутном ветре плыл на восток вдоль берега в поисках устья неизвестной большой «Ламы – реки», берущей будто бы начало в Китае. Он обогнул восточный мыс губы Буорая, вышел в Янский залив и достиг устья Яны. Его отряд три недели поднимался вверх по реке – до мест, где жили якуты. Буза собрал там ясак и зимовал среди якутов.

В 1639 г. Буза с отрядом на четырех кочах, построенных во время зимовки, поплыли вниз по реке Яне до ее устья, вновь вышли в море и завершили обследование Янского залива. Елисей Юрьев остался там и положил основание Устьянску, а пятерых человек отправил в Енисейск с ясаком. Недалеко от устья Яны он к востоку обнаружил «великое озеро» – огражденную со стороны моря о. Яроч обширную бухту, в которую впадала р. Чондон. Буза встретил там юкагиров, построил в их стане зимовье, в котором прожил не менее двух лет.

По версии историка Н. Н. Оглоблина Елисей Буза при плавании на восток не дошел до устья Яны, а добрался лишь до устья р. Омоллой, впадающей в губу Буорая. Оттуда уже по зимней дороге, погрузив запасы на нарты, он шел восемь недель через хребет Кулар до Верхней Яны. Н. Н. Оглоблин считал Бузу первооткрывателем р. Омоллой и хребта Кулар. Эти сведения исследователи почерпнули из отписок спутников Елисея. Сам же он в своей челобитной подробностей похода не излагает. Завершая свое повествование, он писал: «Пришед на Яну реку во 147-м году, и твоим, государевым, счастием на Яне реке с якуцких людей взял твоево, государева, ясаку вново 4 сорока 8 соболей, 4 шубы собольи якуцкие, 7 лисиц чернобурых, 22 лисицы красных...

А как, государь, был я, холоп твой, на море, у меня, холопа твоего, трои суды розбило морем. И я ... с теми служивыми и с промышленными людьми суды делали на море, собою, новые, и терпели сами с служивыми людьми и с промышленными голод и всякую нужу ... аманатов 3-х человек и толмача кормил своим кормом. И тое твою, государеву, ясачную и десятинную соболиную казну, и аманатов юкагирских 3-х человек, да якуцкова мужика юкагирского толмача привез с служивыми и промышленными людьми в Якуцкой острог, к стольнику и воеводе к Петру Петровичю Головину с товарищи. А служивых людей со мною, Елескою, пришло в Якуцкой острог Третьяк Нифонтов, корел Федосей Григорьев, Афонасей Авдеев. Да промышленных людей пришло со мною в Якуцкой острог всего 5 человек.

И будучи на твоей, государеве, службе, я, холоп твой, с теми служивыми и с промышленными людьми на Оленьке и на Яне, и на Чандоне реке принимали всякую нужу, ели корень и траву, и души сквернили всякою скаредноюядью, и голод и наготу терпели. А что, государь, тех служивых и промышленных людей поднимал я, холоп твой, собою на тое твою, государеву, службу и давал им в долги хлебнова запаса, и всякаго заводу, займую у торговых людей большею ценою в кабалы, и от тово я, холоп твой, одолжал великими долги, и стала, государь, мне та твоя, государева, служба подъемом больши 2000 рублей.

Заканчивает свою челобитную Елисей обычной фразой: «Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, за ту мою многую службу и терпенье своим, государевым, жалованьем, как тебе, государю, бог известит, чтоб мне, холопу твоему, в долгах чем подымался на твою, государеву, службу вконец не погинуть и на правеже замучену не быть».

Там он увеличил свой отряд до 50 человек за счет «охочих служивых людей» и «промышленных людей». Как потом писал Буза в своей челобитной: «В Якутском, государь, остроге, должась великими долги, покупал я, холоп твой, суды и кочи, и дощеники с парусы и с якори, и со всею судовою снастью дорогой ценою. И тех служивых и промышленных людей для твоей, государевы, дальней службы ссужал я же, холоп твой, пищальми и порохом, и хлебными запасы, и сетями неводными, и всякими заводами».

Буза с отрядом спустился по Лене, вышел в море западным рукавом дельты и через день вошел в устье р. Оленск. Он поднялся по реке более чем на 500 км и объяснил встреченных там кочевых эвенков. На р. Оленек он построил зимовье и зимовал там, а весной 1638 г. на оленях возвратился на Нижнюю Лену к устью ее левого притока Молодо, верховья которого у 12° в. д. близко подходят к р. Оленек.

Морские плавания и сухопутные путешествия, которые совершили Буза и его спутники, проходили в невероятно сложных условиях. Сам он писал в челобитной: «И будучи на твоей, государеве, службе, я, холоп твой, с теми служивыми и с промышленными людьми на Оленьке и на Яне, и на Чандоне реке принимали всякую нужу, ели корень и траву, и душу сквернили всякою скаредною ядью, и голод и наготу терпели».

Из продолжительного плавания по морю на Лену Елисей Юрьев Буза вернулся 17 июля 1642 года. Примечательно, что кроме государевой казны, он вывез лично для себя 1080 соболей, 280 пластин собольих (хребтовая половина соболя), 4 собольих шубы, 9 собольих и лисьих кафтанов и 2 ферязи. Уплатив в качестве налога «государеву десятину», он стал полноправным владельцем всего этого добра.

Глава одиннадцатая

Первый совместный поход Михаила Стадухина и Семёна Дежнева

Не забывал воевода и о «проведывании новых землиц». В 1641 году он отправил в верховье Индигирки для сбора ясака отряд служилых людей из 14 человек. Во главе отряда был поставлен теперь уже десятник Михаил Стадухин. В явочной челобитной ленских служилых людей называется кроме самого Стадухина еще 11 человек, в том числе Семенка Дежнев, Вторко Гаврилов, и служилый человек Ленского острога Андрей Горелый.

У Дежнева, свидетельствуют архивы, была жена – якутка по имени Абакаяда Сючю. Перед отъездом Дежнев позаботился о её крещении в православную веру под именем Абакан.

Перед походом Дежнев обратился к воеводе с челобитной, в которой просил: «позволь ... оставить кормить на зиму до себя ясыришка моего, якольскую женку именем Абакаяда Сичю, оставил я корову с теленком Борогонской волости якуту Енекейу ...». Якутские предания говорят о том, что в Борогонской волости на берегу Лены в то время действительно жил богатый якут Онокой, имевший девятерых сыновей и красавицу дочь. Известно и то, что казаки, отлучаясь на долгое время, оставляли своих жен и детей в семье жены, а если таковой близко не было – на попечение своих друзей, остававшихся в остроге.

Отправляясь в дальний поход, служилые «поднимались» за свои деньги, – занимали их у торговых людей, надеясь рассчитаться мягкой рухлядью, добытой в походе. В долг брали не только Дежнев, но и его сослуживцы по отряду, в том числе и предводитель отряда – десятник Михаил Стадухин. Об этом свидетельствует сохранившаяся кабальная запись: «Яз, Семен Иванов Дежнев, да яз Михайло Васильев Стадухин, да яз Михайло Савин Коневал, да яз Павел Левонтьев, да яз Денис Васильев Ерило, да яз Вторка Гаврилов, да яз Андрей Иванов, – служилые люди – заимщики заняли есми в Ленском остроге у торгового человека Никиты Агапитова пятнатцеть рублей денег московских ходячих прямых без присуду до сроку до Николина дни вешняго 150 году без росту, а поляжет кабала по сроце, мне платить на деньги рост по пять шестой. А почнем мы, заимщики, за приставом платить, все убытки кабальные на нас; где ся кабала выляжет, тут по ней и суд и правез. Кто за кабалою станет, тот и истец; а которые нас заимщиков в лицах, тот и люб. На то послух ленской казак Второй Федоров Катаев. А кабалу писал заимщик Вторка Гаврилов сам на себя и на товарищев своих своею рукою лета 7149, августа в 4 день».

Дело, судя по всему, не обошлось только этим займом. Впоследствии Семен Дежнев писал в челобитной: «И я, холоп твой, для твоей государевой службы купил 2 лошади, дал 85 рублей. И всякой служебной завод, покупаючи в Якуцком остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою. Стал подъем мне, холопу твоему, больши 100 рублей...».

К слову сказать, Михаилу Стадухину подъем обошелся дешевле, – в 60 «рублев». Сохранившиеся документы говорят о том, что он не смог к назначенному сроку расплатиться по этому долгу. Когда в 1645 году он возвратился в Якутск с ясачной казной, собранной на Колыме, воевода Василий Пушкин отобрал у него «неведомо за что» и его собственную пушнину. За неуплату долга в срок Стадухин был привлечен кредитором к суду.

Все это говорит о полной несостоятельности заявления некоторых авторов о том, что Михаил Стадухин был «оборотистым предпринимателем» и даже купцом. Михаил был государевым служилым человеком и торговыми делами не занимался. Во всяком случае, этому нет каких – либо документальных свидетельств, кроме разве что упоминания о мелком товарообмене, каким занимались все служилые люди при контакте с аборигенами, чтобы наряду с боевыми трофеями обеспечить себе сносные условия походной жизни.

* * *

Отряд Михаила Стадухина шел по Алдану. Прodelав тяжелый путь через перевалы Верхоянского хребта, служилые через девять недель дошли до Оймякона. Там они застали казаков, оставленных первооткрывателем Оймякона Елисеем Рожей, поставили зимовье и взяли ясак с якутов, которые жили в верховьях реки.

К югу от истоков Индигирки лежала обширная и малонаселенная горная страна, о которой русские не имели никаких сведений. Стадухин послал на конях через горы Андрея Горелого с «засидевшимися» служилыми людьми из тех, кого они застали на Оймеконе, усилив отряд еще и ясачными якутами. В отряде, со слов Андрея Горелого, было около 40 человек. Перейдя водораздел, они вышли в долину реки Охоты, и спустились по ней, едва не встретившись с отрядом Ивана Москвитина. Их разделял всего лишь двух – трехдневный переход. Дальнейшему продвижению Андрея Горелого и его спутников к морю помешали враждебные действия местных жителей.

Весь поход туда и обратно занял всего лишь пять недель. Андрей принёс важные сведения о том, что район реки Охоты богат соболями и рыбой, что «ламутских мужиков там много и оленных, и сидячих». И что река эта «пала в Ламское море». На Охоте Горелый взял в аманаты ламутского князца Чюну и доставил его к Стадухину.

7 апреля 1642 г. к стадухинскому лагерю явились соплеменники аманата, – «сот с пятью и больше» и «учинили бой». Помощь русским оказали оймяконские якуты и тунгусы. В сражении погибли один казак, 5 ясачных якутов и 10 ламутов. Через три года князец Чюна будет привезен Стадухиным на Лену, даст показания о реке Охоте, а в 1646 году проведет туда отряд Семёна Шелковника, который построит Охотский острог.

Весной 1642 г. из Оймеконского зимовья в Якутск поступила отписка Михаила Стадухина. В ней говорилось, что государев ясак собран полностью: «И явили мы прибыли на 150 год 3 сорока соболей». Государева казна прибыла в Якутск со служилыми людьми Иваном Кислым, Денисом Ерилом и Трошкой Ивановым. Казна была за печатями Стадухина и целовальника, а ясачные книги и отписка – за печатью Стадухина. Вместе с государственной казной была послана отписка, в которой дано первое географическое описание Оймякона: «А Емокон река идет с Камени, по Емокону пашенных мест, дубравных, ни лугов травных нет, все согра да болота, да камень. А отнюдь на Емоконе реке жить служилым людям не мошно, кормитца ... не у чего, людей на той реке нет нигде. А ламутские тунгусы ходят мимо, а на той реке не живут».

В июне 1642 года вернулся в Якутск с низовьев Лены Курбат Иванов, передав Головину «чертеж реке Лене и сторонним рекам, и против чертежу роспись». В том же году по приказу Головина он был отправлен в поход на верхоленских и байкальских тунгусов и бурят, «чтобы, укрепясь в их стране, быть ближе к забайкальскому серебру». Год спустя, вернувшись в Верхолениск, Курбат сделает «чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам», приложит к нему «распросные речи тынгусов и братских людей про мугал и про Китайское государство и про иные землицы и на Байкале где мошно быть острогу...». Все это будет послано воеводе Головину.

Глава двенадцатая

Воеводское противостояние

В это же время Головин приступил к коренной реорганизации всей системы ясачного сбора и взятия таможенных пошлин. В 1642 году он ввел для ясачного населения твердые, причем довольно высокие индивидуальные ясачные оклады. Установление этих окладов производилось на основе переписи скота в каждом хозяйстве, то есть, чем богаче был хозяин, тем больший взимался с него ясак. Перепись была воспринята аборигенами, прежде всего наиболее состоятельными, как ущемление их прав и вызвала восстание инородцев. Волнения вспыхнули одновременно во многих волостях и улусах, в ходе которых погибли десятки русских промышленников и служилых людей. В феврале 1642 года были уничтожены отряды ясачных сборщиков Воина Шахова, Алексея Гнutoго, Осипа Галкина, Остафия Михалевского, Григория Летнева. Одновременно уничтожались и русские промышленники, находившиеся на промыслах. В начале марта более 700 восставших попытались осадить Якутский острог.

Помощники Головина воевода М. Глебов и дьяк Е. Филатов, не согласные с его методами утверждения ясачного режима, выступили против него, в результате чего в Якутске началась воеводское противостояние.

Головин обвинил Глебова и Филатова в измене. Дело дошло до того, что, как писал Головин енисейскому воеводе Осипу Аничкову, «по воровскому научению воеводы Матвея Глебова, диака Еуфимья Филатова да сына боярского Парфена Ходырева учили они якутов ... наших служилых людей побивать, и под острог собрався, ... тайным обычаем притти ночью, караульщиков побить, пушки в воду стаскать, и острог зажечь, ... а самим якутам всем велели вдаль на вершины сторонних рек отойти ..., да Матвей же Глебов и дьяк Ефим Филатов приказывали служилым людям ... по всем ясачным зимовьям иноземцев научать, чтоб они промышленных людей грабили и побивали, и наш бы ясак они, служилые люди, собирая, добрые соболи имали себе, ... а в ясак, клали свои худые соболи и недособоли драные и без хвостов, и то не сполна..., а иноземцам тунгусам велели отойти на иные реки, чтоб вперед нашего ясаку имать было не с кого..., и многожды научали иноземцев и русских людей ... меня, Петра, убить».

Трудно сказать, в какой мере содержание этого письма соответствовало действительному положению дел. В значительной мере, видимо, так оно и было. Во всяком случае, Головин освещал ситуацию так, как он её видел и понимал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.